

Холодные близнецы

Автор:

С. Тремейн

Холодные близнецы

С. К. Тремейн

Сара и Энгус Муркофт – образцовая английская семья. Энгус работает в престижной архитектурной компании, его жена Сара – журналист-фрилансер. У них есть дом в Кэмдэне, а еще дочери – Лидия и Кирсти, очаровательные светловолосые близняшки.

Однажды шестилетняя Лидия срывается с балкона и разбивается насмерть. С того страшного дня прошло уже 14 месяцев, но горе Муркофтов не утихает.

К своему ужасу, Сара обнаруживает странности в поведении своей единственной дочери: Кирсти ведет себя так, как будто она Лидия. Более того, девочка требует, чтобы ее называли Лидией, и утверждает, что умерла Кирсти. И теперь Сара и Энгус должны ответить для себя на главный вопрос: кого они похоронили?

Впервые на русском языке!

С. К. Тремейн

Холодные близнецы

Моим дочерям

S. K. Tremayne

THE ICE TWINS

Copyright © S. K. Tremayne 2015

© Гришин К., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

От автора

Я хочу поблагодарить Джоэла Франклина и Диди Макгилврэй, Гаса Маклина, Бена Тимберлейка и в особенности Энджел Седжвик – за помощь в работе над этой книгой.

Те, кто бывал на Внутренних Гебридах, сразу же отметят несомненное сходство между выдуманным Эйлен-Торраном и реальным Эйлен-Шона, расположенным возле острова Скай с его живописной деревушкой Айлорнсей. Совпадение отнюдь не случайно – книга была написана отчасти под впечатлением от жизни на этом очаровательном приливном островке в беленом известью домике под самым маяком.

Тем не менее все описанные здесь события и персонажи являются вымышленными.

Отдельное спасибо я хочу сказать Фрэнку Джонсону, Хелен Атсма, Кэйт Стивенсон и Юджину Фёрниссу: без их поддержки и мудрых советов «Холодные близнецы» едва бы появились на свет.

И наконец, я хочу поблагодарить Хивела Дэвиса и Элизабет Догерти, подсказавших мне идею с близнецами, из которой и вырос сюжет этой книги.

Между нашими креслами было ровно два ярда. Напротив кресел находился большой стол, а в креслах – как на сеансах семейной терапии – сидели мы. Всю обстановку комнаты я запомнила до мельчайших подробностей. Вдобавок мне на психику давили высоченные незашторенные окна восемнадцатого века с подъемным переплетом: своеобразный двойной портрет темного тусклого лондонского неба.

– Можно включить свет? – спросил мой муж.

Молодой солиситор Эндрю Уокер – адвокат, ведущий подготовку наших документов, – оторвался от бумаг с недовольным видом.

– Да, – ответил он. – Прошу прощения.

Он дотянулся до выключателя на стене, и два торшера залили кабинет желтым светом, а впечатляющие окна тотчас почернели.

Вместо неба я теперь видела свое отражение в стекле: неуверенная, вялая, с плотно сжатыми коленями.

Да кто она вообще такая?

Мое отражение не похоже на меня. Глаза у этой женщины голубые, как и всегда, но взгляд более грустный. Лицо кругловатое, бледное и чересчур худое. Она натуральная блондинка и даже хорошенькая, но все равно какая-то выцветшая и потрепанная – тридцатитрехлетняя женщина, лучшие годы которой остались позади.

Во что она одета?

Потрепанные джинсы, ботинки по прошлогодней моде, лилейно-белый кашемировый джемпер, симпатичный, но поношенный, в катышках от частых стирок. Я внутренне содрогнулась. Надо бы выглядеть получше. Хотя, с другой

стороны, для чего? Нам предстоит стандартная беседа с юристом. Которая в корне изменит нашу жизнь.

Приглушенный шум машин за окном напоминал глубокое дыхание беспокойно спящего партнера. Интересно, буду ли я скучать по лондонскому трафику? Нескончаемый белый шум умиротворял меня: прямо как приложения для телефона, которые помогают заснуть, имитируя постоянный звук биения крови в сосудах матки и отдаленную пульсацию материнского сердца.

Мои близняшки слышали точно такие же звуки, когда толкались внутри меня. Я помню, какими они были на второй эхограмме. Они походили на два геральдических символа на гербовом щите – абсолютно одинаковые, они смотрели друг на друга, как два единорога.

Наследодатель. Душеприказчик. Законная доля. Официальное утверждение...

Эндрю Уокер разглагольствовал лекторским тоном: просто заправский профессор, снизошедший до, мягко говоря, туповатых студентов.

Завещатель. Умершая. Наследник. Дети, находящиеся в живых.

Мой муж Энгус вздохнул с еле сдерживаемым нетерпением. Мне знакомы эти вздохи, означающие, что муж устал и вряд ли доволен. Я его вполне понимала, но сочувствовала и юристу. Нелегкая досталась Уокеру задача – сердитый муж, готовый броситься на него с кулаками, размазанная давним горем жена плюс запутанный случай с завещанием. Здесь нужно быть ловкачом. И его манера говорить медленно, тщательно взвешивая каждое слово, – это лишь способ дистанцироваться. А работает он аккуратно – настоящий сапер на минном поле. А может, у юристов своя терминология, как у врачей? Вроде таких, к примеру, заумных фраз: «Дуоденальные гематомы и серозные отнятия, ведущие к фатальному младенческому перитониту».

Мои размышления прервал резкий возглас:

– Мы давно все обдумали!

Энгус успел выпить, что ли? Уж больно голос раздраженный, вот-вот сорвется. После того несчастного случая Энгус постоянно сердился. И разумеется, сильно пил. Но сегодня он более-менее уравновешенный, так что, пожалуй, трезвый.

- Мы бы хотели закончить возню с бумагами до холодов. Вы в курсе?

- Мистер Муркрофт, я вынужден повторить, что Питер Кенвуд в отпуске. Если хотите, мы можем позже договориться о встрече...

Энгус возразил:

- Нет. Мы хотим покончить с этим прямо сейчас.

- Тогда я должен снова просмотреть документы на предмет возможных проблем. Ведь вам не нужна волокита, верно?.. А Питер Кенвуд... он... чувствует...

Я видела, что солиситор колеблется и еще старательнее выбирает выражения, однако следующая фраза получилась натянутой:

- Итак, мистер Муркрофт, Питер считает себя не просто адвокатом, а добрым другом семьи. Ему известны обстоятельства данного дела, кроме того, он был знаком с покойной миссис Кэрнан - вашей бабушкой. Именно поэтому он просил меня удостовериться в том, что вы оба действительно хорошо информированы.

- Мы сами за себя отвечаем.

- Конечно. Но я бы упомянул, что на острове, в принципе, особо не разгуляешься. О комфорте вам придется забыть, - Уокер вздохнул и потупился, будто в этом была виновата его юридическая контора и он хотел избежать потенциальной тяжбы. - Боюсь, что домик смотрителя маяка сейчас не в лучшем состоянии - там много лет никто не жил, да и ремонта там не было. Но здесь написано, что вы вольны его снести и возвести новую постройку.

- Ага. В детстве я частенько бывал на острове. Игрался в приливных озерцах.

- Но, мистер Муркрофт, имеете ли вы представление о реальных условиях выживания на Гебридах? Подобный переезд - весьма рискованный шаг. В связи с

наличием приливных заиленных участков территория является труднодоступной, помимо прочего существуют сложности с водоснабжением, отоплением, электричеством, и самое главное – в завещании не упомянуты деньги на...

– Представление полное, полнее некуда.

Возникла пауза. Уокер посмотрел на меня, потом опять на Энгуса:

– Вы продаете свой дом в Лондоне?

Энгус уставился на Уокера.

– Что, простите? А какое это имеет отношение к нашему делу?

Солиситор поджал губы.

– Питер беспокоился в связи... э... с постигшей вас тяжелой утратой... он очень тревожился и...

Энгус покосился на меня, я нерешительно пожала плечами. Энгус наклонился вперед.

– Ладно. Мы продаем дом в Кэмдене.

– Следовательно, в результате сделки у вас появится сумма, достаточная, чтобы восстановить хозяйство на Элле... – Эндрю Уокер нахмурился, пытаясь прочесть текст. – Не могу произнести правильно. Элье...?

– Эйлен-Торран. Это гэльский шотландский. В переводе – Громовой остров. Остров Торран.

– Совершенно верно. И вы надеетесь выручить от продажи вашей лондонской недвижимости сумму, которой хватит для ремонта домика смотрителя маяка на Торране?

Я чувствовала, что мне надо присоединиться к разговору. Должна же я хоть что-нибудь сказать, а то в бой рвался пока лишь Энгус. Но молчание окутывало меня, как теплый кокон. Зачем мне говорить? Вот моя фишка – я всегда была тихой и замкнутой, а Энгуса это раздражало уже несколько лет. О чем ты думаешь? Расскажи мне. Почему только я говорю? В ответ я обычно пожимала плечами и отворачивалась, потому что порой молчание бывает гораздо красноречивей, чем слова.

И теперь я опять взялась за свое. Сажу и слушаю своего мужа.

– У нас есть две закладные на дом в Кэмдене. Я потерял работу, и мы находимся в бедственном положении, но пару фунтов мы выручим.

– А покупатель?

– Тянет с подписыванием чека. – Энгус явно пытался сдерживать гнев. – Смотрите. Моя бабушка в завещании отписала остров на нас с братом. Да?

– Да, конечно.

– Мой брат сделал широкий жест и отказался от острова. Так? Моя мать в доме престарелых. В итоге получается, что остров принадлежит мне, моей жене и дочери. Я прав?

Дочери. Одной.

– Да.

– Ясно? Мы хотим переехать. Очень хотим. Да, есть затруднения, и домишко на острове разрушается. Но мы справимся. По крайней мере, мы попытаемся. У нас случались и более трудные времена, – заключил Энгус и опустил в кресло.

Я внимательно смотрела на мужа.

Даже если бы мы познакомились впервые только сейчас, его привлекательность сразила бы меня наповал. Высокий, энергичный, с приятной трехдневной щетиной. Моложавый для четвертого десятка. Темноглазый, мужественный,

талантливый.

Раньше Энгус тоже предпочитал небритость, и мне понравилось, как темная поросль подчеркивает его линию подбородка. Я почти не встречала людей, к которым так подходило бы слово «классный», а Энгус был одним из них. Столкнулись мы в Ковент-Гардене, в шумной забегаловке с испанской кухней – тапас и тому подобная экзотика.

Они с друзьями сидели неподалеку от барной стойки, всем лет по двадцать пять. Энгус смеялся. Наша компания расположилась за соседним столиком, и мы уже выпили достаточно «Риохи».

Один из парней отпустил в наш адрес остроумную шутку, кто-то из нас не остался в долгу и ответил. Вскоре наши компании смешались, мы постоянно пересаживались, сдвигались, хохотали и знакомились: это Зоя, Саша, Алекс, Имоджин, Мередит...

А это Энгус Муркрофт. Привет тебе, Сара Милвертон! Он из Шотландии, ему двадцать шесть, а ей – двадцать три, она наполовину англичанка, наполовину американка. Теперь вы пойдете по жизни рука об руку, разделяя вместе и радости, и горести.

Шум транспорта за окном усилился – час пик. Я очнулась от грез. Эндрю Уокер давал Энгусу на подпись очередные документы. О да, мне хорошо знакома данная процедура – за последний год мы подписали бесконечное количество бумаг! И каждая из них была связана с нашим горем.

Согнувшись над столом, Энгус царапал свое имя, ладони мужа казались огромными по сравнению с ручкой. Я посмотрела на желтую стену, где висела картинка, изображающая Старый Лондонский Мост. Я хотела еще повспоминать, чтобы отвлечься, – об Энгусе, о себе, о нашей первой ночи.

Я помню все подробности того вечера. От музыки – мексиканской сальсы – до не очень вкусных тапас: обжигающих язык красных «пататас бравас» с белой спаржей в уксусе. Постепенно наша ватага начала расходиться – кое-кто ужасно хотел спать, а некоторые боялись опоздать на метро. Наверное, они чувствовали, насколько мы с Энгусом подходим друг другу и что это – не банальный флирт в пятницу вечером.

Как просто все тогда произошло! Как бы сложилась моя жизнь, если бы мы заняли дальний столик или пошли в другой кабак? Но мы выбрали тот самый бар, тот самый столик и тот самый вечер. К полуночи подле меня околачивался долговязый парень – Энгус Муркрофт. Мы сидели рядышком, и он сообщил мне о себе то, что считал нужным. Он архитектор, шотландец, и он одинок. Потом он рассказал мне заумный анекдот, и я сперва вообще не поняла, в чем вся соль. Только через минуту я засмеялась и поймала его взгляд – серьезный и вопросительный.

Я посмотрела на Энгуса в упор. У него были темно-карие глаза, волнистые густые черные волосы, ровные белые зубы, красные губы и щетина. Я уже знала свой ответ. «Да».

Спустя два часа мы пьяно целовались на углу Ковент-Гарден-пьяцца под одобрителем взглядом луны. Я помню, как мы обнимались, как блестели мокрые от дождя булыжники мостовой, помню прохладную сладость вечернего воздуха. В ту же ночь мы переспали.

Примерно через год мы поженились. После двух лет брака у нас появились дочки – похожие как две капли воды однойцевые близняшки. А теперь из них осталась только одна.

Боль поднялась во мне удушливой волной. Может, засунуть в рот кулак, чтобы не затрясло? Когда же это пройдет? А если никогда? Похоже на боевое ранение – осколок шрапнели, спрятанный глубоко под кожей, прокладывает себе путь на поверхность годами.

Значит, надо открыть рот, чтобы подавить боль и угомонить мысли. Я просидела в офисе полчаса – послушная и безмолвная кукла или пуританская домохозяйка. Я слишком часто предоставляла Энгусу право вести разговор, он компенсировал мою молчаливость, но хватит мне молчать.

– Если мы отремонтируем постройки на острове, то он будет стоить миллион.

Мужчины повернулись ко мне: обалдеть, оно разговаривает!

– Там даже вид из окна стоит миллион фунтов, – продолжила я. – Оттуда видно пролив Слейт и Нойдарт.

Я всегда стараюсь произносить это слово правильно: пишем «Слит», но говорим «Слейт». Я тщательно изучила лингвистический вопрос, перелопатив добрую половину Гугла.

Эндрю вежливо улыбнулся.

– Эээ... вы бывали там, миссис Муркрофт?

Я залилась краской, но и черт с ней.

– Нет, но я видела фотографии и читала книги – один из лучших видов в Шотландии открывается именно с нашего острова. Нашего будущего острова, – поправила я.

– Да. Однако...

– На материке, в деревне Орнсей, есть домик. Он находится в полумиле от Торрана, – я быстро сверилась с заранее сохраненным на телефоне файлом, хотя вызубрила информацию наизусть. – Пятнадцатого января нынешнего года его продали за семьсот пятьдесят. В доме – четыре спальни, вокруг разбит красивый сад, комнаты просторные. Приятное жилище, хоть и не особняк. Но из окон – шикарный вид на пролив – вот за него-то семьсот пятьдесят штук и заплатили.

Энгус одобрительно кивнул и включился в беседу.

– Именно! Если мы тоже сделаем ремонт, у нас будет пять спален. На самом деле участок большой – целый акр, и мы можем выручить миллион. Легко.

– Хорошо, мистер Муркрофт. Сейчас дом стоит пятьдесят тысяч, но, согласен с вами, такая возможность есть.

Юрист вымученно улыбнулся. Мне стало интересно, отчего он с таким скепсисом относится к нашему переезду на Торран? Он знает что-то особенное? И какова реальная позиция Питера Кенвуда? Может, они хотят продать остров сами? Это

не лишено смысла. Кенвуд знает остров Торран как облупленный, является доверенным лицом бабушки Энгуса и осведомлен о всех краеугольных камнях, в том числе и о потенциальной стоимости дома после ремонта.

Действительно ли они такое задумали? Если да, то это было бы элементарно! Тогда им следует просто дождаться, когда бабушка Энгуса умрет, и малость надавить на наследников – на пришибленную бедой парочку, что до сих пор не оправилась от смерти ребенка и увязла в денежных затруднениях. Предложить им сотню тысяч – вдвое больше, чем стоимость домишки, корчить из себя благородных и понимающих и сердечно, но грустно улыбаться. Вам сейчас тяжело, но мы поможем справиться с бедой – распишитесь вот здесь...

Ну а дальнейшее – вообще пустяки: нужно пригнать на Скай автобус, набитый польскими строителями, дать им несколько сотен, и через год можно будет пожинать плоды своих усилий.

Продается чудесный участок с домом, расположенный на острове в знаменитом проливе Слейт. Стоимость 1,25 миллиона фунтов с торгом...

Неужели они планировали нечто подобное? Эндрю Уокер пристально посмотрел на меня, и я почувствовала себя неловко. Возможно, я несправедлива к конторе «Кенвуд и партнеры». Хотя я им остров не отдам – это мой единственный выход, реальный способ сбежать от горечи воспоминаний, от всех старых сомнений и давнишних долгов.

Я так мечтала об этом! Устроившись на кухне в три часа ночи, разглядывая фотографии на светящемся экране ноутбука. Кирсти посапывала в своей кровати, спал и Энгус, одурманенный скотчем, а я любовалась на дивные пейзажи острова Эйлен-Торран и залива Слейт. Я буквально растворялась в красоте Внутренних Гебридов, и у меня голова шла кругом от этого «чудесного участка с домом»...

– Отлично. Осталась еще пара подписей, – заявил Эндрю Уокер.

– И мы свободны?

Многозначительная пауза.

- Да.

Спустя пятнадцать минут мы с Энгусом покинули желтый офис и через красный холл попали на улицу, в сырой октябрьский вечер. Бедфорд-сквер, Блумсбери.

Завизированные бумаги лежали в рюкзаке Энгуса. Остров принадлежал нам. Мир изменился. Я глазела по сторонам, и мое настроение улучшалось.

По Гауэр-стрит ехали красные автобусы, изо всех окон – и верхних и нижних – смотрели бледные лица.

Энгус взял меня за руку:

- Ты молодец.

- Что?

- Ты здорово вклинилась в разговор. Как раз вовремя. Я думал, что сейчас заеду ему в челюсть.

- И вдруг я пришла тебе на помощь, – мы обменялись многозначительными взглядами. – Но ведь мы это сделали, разве не так?

Энгус хмыкнул.

- Да, дорогая, – он поднял воротник, защищаясь от дождя. – Но, Сара, я хочу еще раз тебя спросить: ты точно хочешь переехать?

Я поморщилась. Он продолжал:

- Да, знаю. Но ты действительно считаешь, что мы сделали правильно? Тебе хочется бросить нашу лондонскую жизнь? – он показал на вереницу лондонских такси, флуоресцентно подсвечивающих дождевые капли. – На Скае всегда очень тихо.

- Как говорится, если тебе надоел Лондон, тебе надоел дождь, – произнесла я.

Энгус рассмеялся и наклонился ко мне. Его карие глаза искали мой взгляд, вероятно, его губы искали мои. Я нежно погладила его по щеке и поцеловала щетину на подбородке. Я вдохнула его запах. От него не пахло виски, от него пахло Энгусом, мылом и особенным мужским запахом. Человек, которого я любила, чистый и надежный. Я люблю его и буду любить всегда.

Возможно, сегодня ночью у нас будет секс, впервые за много недель. Неужели мы наконец-то пережили это? Ведь горе не может длиться целую вечность.

Мы шли по улице, взявшись за руки. Энгус крепко держал мою ладонь. С некоторых пор он часто держал меня за руку: и когда я молча плакала каждую ночь, и во время жутких похорон Лидии – от начала до конца – от «Аз есмь воскресение и жизнь» и до самого «Всегда пребудет с нами».

Аминь.

– На метро или на автобусе?

– Метро, – ответила я. – Быстрее будет. Хочу поскорее сообщить Кирсти хорошие новости.

– Надеюсь, они окажутся для нее именно такими.

Я посмотрела на мужа.

Нет, я не могу позволить себе сомнений. Если я остановлюсь и задумаюсь, мои опасения усилятся, захлестнут меня с головой, и мы застрянем в нашей тоске навсегда.

На одном дыхании я выпалила:

– Энгус, я уверена, что да. Ей должно понравиться. У нас будет собственный маяк, свежий воздух, олени, дельфины...

– Имей в виду, что фотки, которые ты видела, сделаны в основном летом, при ярком солнце. А там не всегда такая погода. Зимой на острове мрачно.

– Значит, в январе и феврале мы... как бы получше сказать... окопаемся и будем защищаться. Тоже приключение.

Мы добрались до станции. На ступени подземки накатывала черная волна людей, их одежда лоснилась от влаги, лондонское метро глотало пассажиров. Я обернулась и быстро окинула взглядом затянутую туманом Нью Оксфорд-Стрит. Осенний туман в Блумсбери – как призрак, видимое напоминание о том, что когда-то в Средние века здесь были болота. Я где-то о них читала.

Я вообще много читаю.

– Вперед!

Я схватила руку Энгуса, и, сцепившись пальцами, мы спустились в метро и преодолели три остановки. В городе наступил час пик, и толпа притиснула нас друг к другу вплотную. На «Морнингтон Кресент» мы втиснулись в дребезжащий лифт, и когда вновь очутились на поверхности, мы почти бежали.

– Эй! – засмеялся Энгус. – У нас что – Олимпиада?

– Я хочу поскорей рассказать нашей дочери!

И я действительно хочу, правда-правда! Я поведаю моей живой доченьке замечательные новости, ну, по крайней мере, приятные – пусть хоть что-то вселит в нее отраду и надежду. Сегодня, четырнадцать месяцев назад, погибла Лидия – ее сестра-близнец. Я до сих пор легко могу подсчитать, сколько времени с тех пор прошло, и как же я ненавижу себя за это! Четырнадцать месяцев – год с лишним сплошных мучений и боли для маленькой Кирсти. Мне не понять ее страданий – ведь Кирсти потеряла свою копию, свое второе «я». Четырнадцать месяцев назад она замкнулась в себе, ушла в полную изоляцию, но теперь я смогу вытащить ее!

Чистый воздух, горы, заливы, а через пролив видно Нойдарт.

Я спешу к дверям белого дома, который мы никогда не сможем позволить себе купить. Он уже нам не по средствам.

В дверях застыла Имоджин. Здесь пахнет детским ужином, стиркой и только что сваренным кофе. Как приятно! Я буду немного скучать по домашним запахам. Может быть.

- Имми, спасибо, что присмотрела за ней.

- Ой, ладно тебе. Заходите. Как дела? Вы подписали?

- Да, Имми! Мы переезжаем!

Имоджин хлопает в ладоши: моя умная, элегантная, темноволосая подруга со времен колледжа. Она обнимает меня, и я со смехом высвобождаюсь.

- Она пока ничего не знает, мне нужно ей рассказать!

Имоджин лукаво прищуривается:

- Она у себя в комнате со «Слабаком».

- Что?

- Книжку читает!

В два счета я пересекла холл, взлетела вверх по лестнице и замерла перед дверью с надписями «Здесь живет Кирсти» и «Стучите». Надписи сделаны из отдельных букв, неуклюже вырезанных из глянцевых журналов. Как меня просили, я постучала.

В ответ я услышала вялое «Ммм-ммм», что заменяет Кирсти «Входите».

Я толкнула створку. Моя семилетняя дочь сидела на полу, скрестив ноги и уткнув в книгу веснушчатый носик. На ней была школьная форма – черные брюки и белая рубашка-поло. Воплощенная невинность, и при этом воплощенное одиночество. Внутри меня все задрожало от любви и печали. Я хотела помочь ей забыть потерю, наполнить ее жизнь радостью, хотела сделать все, что в моих силах.

- Кирсти...

Она не ответила, поглощенная чтением. С ней бывает. Заиграется и не разговаривает, только «mmm...». И в последний год все чаще и чаще.

- Кирсти. Муми-тролль. Незабудка.

Она подняла голову и взглянула на меня голубыми глазами. Моими глазами, только более яркими. Как небо Гебрид. А еще у нее очень светлые волосы, практически белые.

- Ма?..

- У меня есть новости, Кирсти. Хорошие. Просто превосходные.

Я уселась на пол рядом с Кирсти. Вокруг нее были разложены игрушки - ее пингвинчики, Лепа - плюшевый леопард и Кукла с Одной Рукой. Я с жаром выложила Кирсти все. Что мы переезжаем на Эйлен-Торран, и теперь у нас будет совсем другая жизнь. Мы начнем все заново, и на нашем собственном острове всегда будет чудесно и здорово - мы будем просыпаться под звуки прибоя...

Пока я говорила, Кирсти смотрела на меня, почти не моргая, вбирая в себя информацию. Она апатично, как в трансе, выслушала меня, не сказав ни слова, возвращая мне мою молчаливость. Под конец она кивнула и вяло улыбнулась. Вероятно, она озадачена. В комнате стало тихо, я выдохлась.

- И что ты думаешь? - спросила я. - Как тебе такая идея? Мы переедем на остров! Наш остров! Правда, классно?

Кирсти пожала плечами, уткнулась в книжку, затем закрыла ее, снова подняла взгляд на меня и произнесла:

- Мамочка, почему ты все время зовешь меня Кирсти?

Я сглотнула. Тишина звенела в ушах.

- Прости, дорогая. Что? - выдавила я.

– Почему ты называешь меня Кирсти, ма? Кирсти нет. Мама, Кирсти умерла, я Лидия.

2

Я уставилась на Кирсти, стараясь не улыбаться. Не хотела показывать, насколько я встревожена.

Похоже, что в растущем мозгу Кирсти всплыла давняя травма, такое бывает у одного из близнецов, потерявшего другого. Но я всегда могла различить своих дочерей и понять, кто из них кто.

Однажды моя мать приехала зимой из Девона в нашу маленькую квартиру в Холлоуе. Взглянув на лежащих в кроватке близняшек – абсолютно одинаковых крошек, сосущих друг другу пальчики, она расплылась в ослепительной, изумленной, потрясающей улыбке. Тогда-то я и поняла, что иметь близнецов – это нечто большее, чем обычное чудо материнства. Ведь когда у тебя близнецы, не просто двойняшки, а настоящие однояйцевые близнецы, ты и впрямь даешь жизнь генетическому чуду, звездам-людям, которые потрясают тебя одним фактом своего существования.

Но при этом они – очень разные.

Мой отец даже дал им прозвище Холодные Близнецы, поскольку малышки родились в самый холодный и морозный день в году. Но мне прозвище никогда особо не нравилось и казалось грустным. Однако не буду отрицать: оно подходило к моим девочкам с их снежно-белыми волосами и льдисто-голубыми глазами. Оно подчеркивало их уникальность.

Вот насколько особенными могут быть близнецы: они разделяют одно имя на двоих.

В таком случае, болезненно-спокойная фраза Кирсти: «Мама, Кирсти умерла, я Лидия» – очередной пример «близнецовости», редкости моих дочек. Моей дочери. Тем не менее я едва сдерживала панику и изо всех сил старалась не заплакать.

Ведь Кирсти напомнила мне о Лидии. И я беспокоилась за саму Кирсти.

Что за ужасная иллюзия посетила ее мысли, почему она задала мне этот страшный вопрос? «Мама, я Лидия, а Кирсти умерла. Почему ты все время зовешь меня Кирсти?»

– Дорогая, – сказала я дочери, стараясь сохранять душевное равновесие. – Тебе пора в кровать.

Она мирно посмотрела на меня. Ее голубые глаза – такие же, как у ее сестренки, – ярко блеснули. Одного молочного зуба, сверху, у нее не было, другой, снизу, шатался. Это что-то новенькое: пока Лидия была жива, обе близняшки могли похвастаться ослепительными улыбками. Обе поздно начали терять молочные зубки.

Кирсти перехватила книгу чуть повыше и сказала:

– Знаешь, мамочка, мне еще только три страницы до конца главы.

– Правда?

– Да, смотри, ма, она кончается вот тут.

– Ладно, детка, я поняла. Ты считаешь мне вслух?

Кирсти кивнула, провела пальцем по странице и принялась громко читать:

– Мне пришлось замотаться в ту-а-лет-ную бумагу, но я не получил пере... пе... ре...

Я потянулась через ее плечо, нашла трудное слово и пришла на помощь:

– Пе-ре-ох...

– Не надо, ма, – тихо засмеялась она. – Правда, не надо. Я сейчас сама скажу!

– Давай.

Кирсти зажмурилась, она всегда так делает, когда о чем-нибудь размышляет, потом открыла глаза и произнесла:

– Но я не получил пе-ре-ох-лаждения.

Она справилась. С таким трудным термином. Но я не удивлена. В последнее время она читает все лучше, а значит...

Я решила не думать об этом.

Лишь голос Кирсти нарушал в комнате тишину. Энгус, наверное, внизу, на кухне, с Имоджин. Может, они открыли бутылку вина и обмывают хорошие новости. А почему бы и нет? Слишком много у нас было плохих дней и дурных вестей – целых четырнадцать месяцев.

– Так я провел большой кусок летних ка-ни-кул...

Я обняла худенькие плечи Кирсти и поцеловала ее мягкие светлые волосы. Переменив позу, я сразу почувствовала, что мне в бедро впивается что-то маленькое и острое. Стараясь не беспокоить дочку и не думать над ее странным вопросом, я подсунула руку под себя.

Это оказалась игрушка: маленький пластмассовый дракончик, которого мы купили в лондонском зоопарке. Но мы приобрели его для Лидии. Ей всегда нравились крокодилы, драконы и прочие страшноватые рептилии, а Кирсти предпочитала – предпочитает – львов, леопардов, пушистых, живых и милых млекопитающих. Вкусы девочек были одним из способов различать их.

– Когда я пришел в школу, там все вели себя странно.

Я крутила дракончика в руке. Почему он валяется на полу? Спустя месяц после того, как все и случилось, мы с Энгусом аккуратно собрали любимые игрушки Лидии и упаковали в коробку. Выкинуть их у нас не поднялась рука – это было бы слишком просто и говорило бы о том, что мы способны окончательно забыть Лидию. Поэтому мы сложили все вещи, связанные с ней, – одежду, игрушки – в

ящик, а потом спрятали на чердак. Если можно так выразиться, похоронили психологически у себя над головой.

– Когда играешь в «заразу», основная проблема в том, что пока ты не дотронулся до другого, ты сам «зараза».

Лидия с ума сходила по дракончику. Я помню тот вечер, когда мы его купили. Лидия прыгала по Риджентс-Парк-роуд, подняв игрушку в воздух, мечтая о том, что у нее будет свой собственный ручной дракон. Тогда нам было весело, а сейчас меня от этих воспоминаний охватила грусть. Я осторожно сунула дракончика в карман джинсов и попыталась успокоиться, слушая, как Кирсти читает, добираясь до конца главы. Наконец она неохотно закрыла книгу и посмотрела на меня невинным ожидающим взглядом.

– А сейчас, милая, тебе пора спать.

– Но, мам...

– Никаких «но, мам». Пошли, Кирсти.

Пауза. Я все же решилась назвать дочь по имени.

Кирсти недоуменно уставилась на меня и нахмурилась. Неужели она опять скажет те страшные слова?

Мама, я Лидия. А Кирсти умерла. Почему ты все время зовешь меня Кирсти?

Моя дочь замотала головой, как будто я сделала примитивную ошибку.

– Хорошо, мы отправляемся спать, – неожиданно согласилась она.

Мы? Что еще за «мы»? Что Кирсти имела в виду? Тревога начала подкрадываться ко мне на мягких лапах, но я старалась не поддаваться панике. Да, я беспокоюсь, но повод явно надуманный.

Мы?

– Ладно. Спокойной ночи, дорогая.

Завтра у нее это пройдет. Точно. Кирсти надо выспаться, а когда она встанет утром, неприятная путаница забудется, как забываются кошмары после пробуждения.

– Ладно, мамочка. Ой, а мы умеем сами надевать пижамки!

Если я покажу ей, что заметила «мы», будет только хуже. Я улыбнулась и сказала ровным тоном:

– Молодцы, но вам надо побыстрее укладываться. Сейчас очень поздно, а вам завтра в школу.

Кирсти кивнула и угрюмо покосилась на меня.

Школа.

Очередной источник горестей.

Я знала, что Кирсти разонравилась школа, – от этого я испытывала боль и чувство вины. Моей девочке уже не хотелось учиться. Ей было хорошо, когда она посещала занятия вместе с Лидией. Холодные Близнецы были тогда еще и Озорными Сестричками. Утром они надевали черно-белую школьную форму, я пристегивала их ремнями к заднему сиденью машины, и мы ехали по Кентиш-Таун-роуд к воротам Святого Луки. Я могла посмотреть в зеркало и увидеть, как они шепчутся между собой, тыча пальцами в прохожих за окном, как заразительно смеются над своими шутками – особыми близнецовыми шутками, которых я никогда полностью не понимала.

Всякий раз, когда мы ездили в школу, меня переполняли гордость и любовь. А иногда смущение, поскольку мои дочери, похоже, ни в ком не нуждались, общаясь на своем близнецовом языке.

Я даже ощущала себя немного лишней в их жизнях. Зачем близняшкам кто-то еще, когда у каждой из них уже есть лучшая подружка, которая вдобавок является твоей точной копией? Девочки проводили вместе каждый день и

каждую минуту. Но все равно я восхищалась ими, я обожала их.

А теперь все кончилось, и Кирсти ездит в школу одна. Молча. На заднем сиденье моей машины. Не говоря ни слова, будто в трансе, она наблюдает тусклый мир за стеклом. У нее, конечно, есть школьные приятели, но они не заменят Лидию. Никто и ничто никогда не заменит ей Лидию, даже на чуть-чуть. В общем, есть еще одна причина уехать из Лондона. У Кирсти будет новая школа, новые товарищи, и, вероятно, на детской площадке она уже не будет смеяться и строить рожицы призраку ее сестры.

- Ты зубки почистила?

- Имоджин мне почистила после чая.

- Вот и славно, тогда прыгай в кроватку. Хочешь, я приду и тебя укутаю?

- Нет. Ммм. Да.

Она перестала говорить «мы». Надеюсь, глупая, но жутковатая игра закончилась... Кирсти залезла в постель. Ее голова покоилась на подушке. В такие моменты она всегда кажется очень маленькой, будто только вчера начала ходить.

Глаза Кирсти закрылись, она прижала к груди своего Лепу, а я потянулась включить ночник.

Как почти каждый вечер целых шесть лет.

Мои близняшки чудовищно боялись темноты – часто дело доходило до крика. Прошло около года, когда мы выяснили причину испуга: в темноте они не видели друг друга. Поэтому мы с Энгусом чуть ли не с религиозным почтением оставляли девочкам ночник, да и запасной ночник всегда был под рукой. Когда у дочерей появились собственные комнаты, они потребовали, чтобы ночью горел свет. Наверное, они думали, что так можно легко общаться через стену – была бы только лампочка.

Я думала, что с уходом Лидии дурная привычка исчезнет, но фобия только закрепилась еще больше. Как болезнь, которая исчезнет когда-нибудь, но не сейчас.

Ночник был в порядке.

Я поставила его на прикроватный столик и повернулась к двери, когда Кирсти открыла глаза и посмотрела на меня. Осуждающе. Гневно? Нет, как-то тревожно.

- Что, милая? - спросила я. - Засыпай.

- Но, мам!

- Что случилось?

- Бини!

Бини - это пес. Сони Бин. Крупный спаниель. Кирсти любит его.

- Бини поедет с нами в Шотландию?

- Дорогая, не будь глупышкой. Конечно же, он обязательно поедет с нами, - ответила я. - Мы не бросим его.

Кирсти умиротворенно кивнула и закрыла глаза, крепко обняв плюшевого Лепу, а я не могла удержаться, чтобы не поцеловать ее еще раз. Я теперь целую ее гораздо чаще, чем раньше. Главным по нежностям у нас обычно был Энгус, я же оказалась весьма практичной мамой и выражала любовь к детям через кормежку и одежду. Но сейчас я ласкала мою оставшуюся дочь с суеверной страстью: пусть мой поцелуй хранит ее от всяких бед.

Веснушки на светлой коже Кирсти напоминали корицу, рассыпанную в чашке с молоком. Прикоснувшись губами к ее щеке, я вдохнула аромат Кирсти: моя дочь пахла зубной пастой и чем-то еще: вроде бы сладкой кукурузой, которую она ела на ужин. Она пахла Кирсти. Но значит, и Лидией. Причем неважно, что они делали, - они всегда одинаково пахли.

Третий поцелуй заверил меня, что Кирсти в безопасности. Я шепнула ей «спокойной ночи» и тихо вышла из комнаты, где мерцал ночник. Когда я прикрыла за собой дверь, в моем сознании возникла беспокойная мысль: собака.

Бини.

Меня гнетет и волнует нечто, связанное с нашим псом, но я не могу понять, что именно и почему.

На лестничной площадке, в одиночестве, я задумалась. Сконцентрировалась.

Три года назад мы купили Бини: порывистого и энергичного спрингер-спаниеля. В те времена мы могли позволить себе породистого щенка.

Идея принадлежала Энгусу: собака, с которой мы будем гулять по нашему первому собственному саду, соответствовала бы нашему району возле Риджентс-Парка. Мы назвали его Сони Бин в честь средневекового шотландского каннибала, поскольку пес грыз все, а в особенности стулья. Энгус обожал Бини, близняшки души не чаяли в Бини, и мне нравилось, как же все это здорово. И еще мне доставляло удовольствие – пусть в этом и была капля тщеславия, – как они смотрятся вместе: две одинаковые белобрысые девчонки и счастливый красно-коричневый спаниель, радостно бегающие вокруг Розария Королевы Мэри.

Туристы действительно фотографировали их. Я была не просто матерью, а звездой виртуала. Да, представь себе, у нее две очаровательные дочки-близняшки и замечательный пес.

Я прислонилась к стене и зажмурилась, чтобы было удобнее размышлять. Я слышала отдаленные звуки: на кухне звенели столовыми приборами, а может, только сунули штопор обратно в ящик.

Но что не так с Бини? Да, на краешке сознания вертелось смятение, связанное с самим понятием «собака», но я не могла ни проследить его, ни пробиться сквозь колючие кусты печали и горя.

Внизу хлопнула входная дверь, шум вывел меня из задумчивости.

– Сара Муркрофт, – произнесла я вслух. – Возьми себя в руки.

Мне надо спуститься вниз, поболтать с Имми, выпить бокал вина и лечь спать, а завтра Кирсти отправится в школу. Моя дочь возьмет красный ранец с книжками и оденет черный шерстяной джемпер с биркой внутри, на которой написано Кирсти Муркрофт.

За кухонным столом расположилась подвыпившая Имоджин. Она улыбалась, ее ровные белые зубы покраснели от вина.

– Увы, Гас уже смылся.

– Смылся?

– Ага. Он сильно переживал, что нам не хватит выпивки. Ведь у нас всего, – Имоджин сосчитала шеренгу бутылок на холодильнике, – точно... всего-то шесть штук. В итоге он побежал в «Сэйнсберис» и взял с собой Бини.

Я вежливо хихикнула и придвинула к себе табуретку.

– Да... вполне в духе Энгуса.

Я налила себе красного из открытой бутылки на столе и взглянула на этикетку. Дешевое чилийское «Мерло». Я лично предпочитаю «Баррозу Шираз», но сейчас мне было без разницы, что за жидкость плескалась в стеклянной емкости.

Имоджин посмотрела на меня и произнесла:

– Ты в курсе, что он пьет... ну... многовато?

– «Многовато» – еще мягко сказано, Имми. Он и работу потерял из-за того, что напился и подрался с начальником. Прикинь, он его тогда вырубил.

Имоджин кивнула.

– Прости. Эвфемизмы тут не помогут... но это у меня от работы, – заметила подруга и склонила голову набок. – Но ведь его начальник был тот еще урод, да?

– Угадала. Абсолютно дрянной мужик, хотя это еще не повод, чтобы ломать ему нос. Тем более что он самый высокооплачиваемый архитектор в Лондоне.

– Ты права, но знаешь, – Имоджин лукаво прищурилась. – Все не так уж плохо. В смысле, что он – настоящий мужик. Взял и дал плохому парню в морду. Вспомни мальчишку из Ирландии, с которым я встречалась год назад, он еще постоянно носил штаны для йоги...

Она ухмыльнулась, и я изобразила слабую улыбку в ответ.

Имоджин – журналист, как и я, но гораздо более успешный. Она заместитель редактора в желтом женском журнале, тираж которого каким-то чудом постоянно растет. Я, в свою очередь, едва свожу концы с концами в качестве фрилансера. Я могла бы, конечно, ей завидовать, но мы все равно дружим. Возможно, нас уравнивает то, что я замужем и у меня есть дети, а Имоджин живет одна-одинешенька. Мы с ней иногда смотрим друг на дружку и думаем – а какой стала бы наша жизнь, если бы у нее была семья, а у меня – карьера.

Я прислонилась спиной к стене, изящно держа в руке бокал, и попыталась расслабиться.

– Но в последний месяц он стал меньше пить.

– Классно.

– Правда, ему не сделать карьеру в «Кимберли».

Имоджин сочувственно кивнула и отхлебнула вина. Я тоже сделала глоток, вздохнула в стиле «что уж поделаешь» и принялась разглядывать нашу просторную яркую кухню в кэмденском стиле. Гранитные столешницы, блестящая сталь, черная кофемашина с набором золотистых капсул – обстановка буквально кричала, что кухня принадлежит зажиточной семейной паре среднего класса!

И все это было ложью.

Да, прежде мы действительно являлись зажиточной семейной парой среднего класса. Энгуса тогда три года подряд повышали на работе, и мы горели незамутненным оптимизмом. Энгусу светило партнерство с соответствующей зарплатой, и я была, в принципе, счастлива – муж приносил в дом такие деньги, что я умудрилась совмещать фрилансерство с материнством. Я отвозила девочек в школу, готовила вкусные и полезные завтраки, торчала на кухне, превращая базилик в соус «песто», пока близняшки играли на одном из наших айпадов. Почти пять лет мы были образцовой семьей из Кэмдена.

Затем Лидия погибла – упала с балкона в доме моих родителей в Девоне, и Энгуса будто бы тоже скинули с большой высоты. Он словно разбился на сотни осколков. Муж обезумел от горя, оно сжирало его, как он ни старался, устоять не помогала даже бутылка виски по вечерам.

В офисе Энгуса отправили в отпуск на несколько недель, но мера оказалась безуспешной. Когда он вышел на работу, то в первый же день принялся со всеми спорить, а затем начал драться. Его сразу уволили, а десять часов спустя он сломал нос шефу.

Теперь у Энгуса не было никакой работы, кроме разовых заказов по дизайну, которые подбрасывали ему приятели.

– Забей, Имоджин! – заявила я. – Мы переезжаем. Так-то.

– Ага! – радостно поддержала она. – В пещеру на Шетландских островах!

Прикалывается. А я не возражаю. До того как это случилось, мы постоянно подкалывали друг друга.

Сейчас наши отношения стали более натянутыми, но никто из нас не прячет голову в песок. Однако с прочими нашими друзьями все было кончено раз и навсегда – после смерти Лидии многие не знали, как нас поддержать, и в конечном счете вообще замолчали. Но не Имоджин – она изо всех сил раздувала угасающий огонек дружбы.

Я помолчала и сказала:

– Какая пещера, ты чего? Остров Торран. Помнишь, я тебе в прошлом месяце фотографии показывала, когда ты нас навещала?

– А, Торран! Знаменитая родина предков Энгуса. Расскажи мне про него, у тебя отлично получается.

– Имми, если мы не замерзнем насмерть, это будет просто замечательно! А еще на острове должны водиться кролики, выдры и тюлени.

– Обожаю тюленей!

– Правда?

– Ага. Особенно их деток. Сможешь выслать мне десяток на пальто?

Я расхохоталась от души, но несколько виновато. У нас с Имоджин схожее чувство юмора, но ее юмор слишком черный. А она продолжала расспрашивать:

– Значит, Торран. Напомни мне, ты там бывала или нет?

– Не-а.

– Сара! Как ты собралась переезжать на новое место, если ты его не видела?

В ответ я лишь пожала плечами.

«Мерло» в моем бокале закончилось, и я плеснула себе еще.

– Я тебе говорила, что не хочу туда специально ехать смотреть, – выдавила я.

– Хм...?

– Имми, я не хочу смотреть на остров Торран, пока мы туда не переедем. Вдруг он мне не понравится? – Я смотрела прямо в ее широко открытые зеленые

глаза. – А знаешь, что тогда произойдет, Имоджин? Мы застрянем здесь, причем навсегда – со всеми нашими бедами, проблемами, безденежьем. Денег, кстати, у нас нет, и мы будем вынуждены найти себе маленькую убогую квартирку, как в молодости. А потом я начну искать нормальную работу, а Энгус от горя совсем озверевает. Думаю, ты понимаешь, нам необходимо сбежать из Лондона, остров – это наш единственный шанс. К тому же, судя по фоткам, на Торране обалденно красиво. Прямо как в сказке. А на суровые климат и прочие неудобства мне наплевать – я хочу в сказку. Честно, Имми, поверь мне. Потому что окружающая меня реальность – жуткая и беспросветно унылая, особенно сейчас.

На кухне воцарилась тишина. Имоджин подняла бокал и аккуратно чокнулась со мной.

– Милочка, все будет замечательно. Но я буду скучать по тебе.

Мы на мгновение встретились взглядами, и почти тут же в кухню ввалился Энгус. Пальто мужа усеивали капли холодного осеннего дождя. Он принес вино в двух оранжевых пластиковых пакетах и привел мокрую собаку. Аккуратно поставил свою ношу на пол и спустил Бини с поводка.

– Вперед, мальчик!

Спаниель встряхнулся, помотал хвостом и кинулся к своей плетеной корзине. Я достала бутылки и водрузила их на стол: они походили на солдат, вытянувшихся в струнку, на параде в честь небольшого, но важного события.

– Теперь выпивки на целый час хватит, – констатировала Имоджин.

Энгус схватил бутылку и открыл ее.

– «Сэйнсберис» – прямо зона боевых действий! По ком я точно не буду тосковать – это по кэмденскому сброду, покупающему лимонный сок!

– Подожди, – неодобрительно хмыкнула Имоджин. – Когда окажешься милях в трехстах от трюфелевого масла...

Энгус в ответ расхохотался – по-настоящему хорошим и добрым смехом, как в старые времена, до того, как это случилось. В результате я тоже расслабилась, хотя и помнила, что хотела спросить мужа про игрушечного дракончика. Как он попал в спальню Кирсти? Мы упаковали его с остальными вещами и спрятали, я в этом ни секунды не сомневалась.

Но зачем устраивать допросы в такой приятный вечер, они у нас – редкость. Дракончик подождет до завтра. Или, может, ну его вообще.

Мы наполнили бокалы и устроили импровизированный пикник: сидели, болтали, обмакивали толстые ломти чабатты с дешевой колбасой в оливковое масло. Час или два пролетели в один миг. Мы опять превратились в старых друзей – не разлей вода. Да мы и есть старые друзья. Энгус рассказал Имоджин, почему его брат, живущий в Калифорнии, отказался от своей доли в наследстве.

– У Дэвида приличный доход в Силиконовой долине, ему не нужен ни остров, ни связанные с ним трудности. А еще Дэвид знает, что нам Торран очень нужен. – И Энгус закусил свои слова колбасой.

– Послушай, Гас, – насторожилась Имоджин. – Я не могу понять, как выяснилось, кому в первую очередь твоя бабушка завещала остров? – Она помолчала, прожевала оливку и добавила: – Ты на меня, пожалуйста, не обижайся, но ведь твой отец был бедным арендатором, и вы с матерью жили в уличном туалете. И внезапно у тебя оказывается бабушка, у которой есть собственный остров!

Энгус хихикнул.

– Бабушка по материнской линии с острова Скай. Они и вправду были бедные фермеры, чуть побогаче арендаторов, но имели небольшой участок земли, в который случайно затесался островок.

– Ага...

– Слушай дальше. На Гебридах таких крошек – несколько тысяч, и пятьдесят лет назад любая куча водорослей, что могла сойти за остров, стоила очень дешево. Акр возле Орнсея – около трех фунтов. Поэтому Торран никто и не продавал – невыгодно было. А потом моя мама переехала в Глазго, бабушка тоже, и мы с братом ездили на Торран в каникулы.

Энгус встал, чтобы взять оливкового масла, и я закончила историю за него.

- Мать и отец Энгуса познакомились в Глазго. Она была учительницей начальных классов, а он работал в доках.

- И... он утонул, да?

- Да, несчастный случай на производстве. Очень жалко, честное слово.

Энгус быстро поправил меня:

- Не слишком и жалко. Мой старик крепко пил и бил мать.

Мы посмотрели на оставшиеся три бутылки, и Имоджин спросила:

- Но откуда взялся домик смотрителя? Ведь у вас вообще не было денег!

- Шотландскими маяками занимается специальный Совет по северным маякам, - объяснил Энгус. - В прошлом веке, когда они ставили где-нибудь маяк, они платили хозяевам земли ренту. Так случилось и на Торране. Но в шестидесятые на маяк поставили автоматику, и дом смотрителя опустел. И в итоге перешел к нам.

- Повезло! - воскликнула Имоджин.

- Еще бы! - согласился Энгус. - У нас появился крепкий домишко, кроме того, бесплатно...

Разглагольствования Энгуса прервал детский голосок.

- Мама!

Кирсти проснулась. И зовет со второго этажа. Она частенько просыпается. И тогда Кирсти застигает меня врасплох, а во мне сразу пробуждается давнее горе.

У Кирсти точно такой же голос, как у Лидии.

Я хочу, чтобы мои глубоко спрятанные чувства растаяли в воздухе.

– Ма-мо-чка! Ма!

Мы с Энгусом обменялись покорными взглядами: каждый из нас подсчитал в уме, сколько раз за последнее время она просыпалась. Как молодые родители, которые ругаются из-за того, чья нынче очередь кормить ребенка в три часа ночи.

– Я поднимусь, – пробормотала я. – Моя очередь.

Так оно и было: в последний раз, когда Кирсти увидела кошмар и проснулась – дня два-три назад, сонный Энгус поднялся и принялся ее успокаивать.

Я поставила бокал на стол и побрела наверх. Бини бросился за мной, будто мы охотились на кроликов, его хвост колотил о стены.

Кирсти босиком и в застегнутой на пуговицы пижаме замерла на верхней ступеньке, прижимая к груди Лепу. Сама невинность, огромные голубые глаза полны тревоги. – Мама, я снова видела плохой сон.

– Тише, Муми-тролль, это всего лишь сон.

Я взяла ее на руки – хотя я теперь едва могу ее поднять – и понесла обратно в спальню. Странно, но похоже, что сейчас Кирсти была не слишком напугана. Но почему же ее регулярные кошмары никак не прекратятся? Я бы очень хотела, чтобы она перестала от этого мучиться.

Я поправляла на ней одеяльце, она уже закрывала глаза, но вдруг прошептала:

– Ма, вокруг меня было все белое, я была в белой комнате и не могла уйти, а они смотрели на меня.

– Чшшшш.

- Все было белое, и я не могла пошевелиться, и...

- Чшшшш.

Я потрогала ее лоб. Чистый и слегка горячий. Кирсти почти заснула, но скулеж позади меня вновь разбудил ее.

Собака зашла в спальню вместе со мной.

- Ма, пусть Бини побудет в моей комнате! Можно, он сегодня будет спать здесь? Пожалуйста!

Кирсти уставилась на меня, рассчитывая увидеть на моем лице одобрение.

Обычно я ей такого не разрешаю, но нынче вечером меня манил наш пикник на кухне. Я бы еще посидела с Имми и Энгусом, выпила парочку бокалов...

- Ладно. Сони Бин останется, но только сегодня.

- Бини! - Кирсти приподнялась на подушке, протянула ручонку вниз и потрепала пса за уши.

Я многозначительно посмотрела на дочь.

- Что надо сказать?

- Спасибо, мама.

- Пожалуйста. А теперь спи. Завтра в школу.

Она не говорила о себе «мы», она не называла себя Лидией. Хороший знак. Когда она опустила голову на прохладную подушку, я вышла за дверь.

И мельком взглянула на пса.

Он смирно лежал возле кровати Кирсти и дремал.

Ко мне снова вернулся страх: я наконец-то поняла причину своего беспокойства. Бини. Собака вела себя не так.

С того дня как мы принесли Бини домой к визжащим от восторга девочкам, он сразу же стал относиться к ним по-разному.

Сони вел себя с каждой из близняшек по-своему, и это было видно невооруженным взглядом.

С Кирсти – затейницей во всех озорных играх, которая сейчас спала в своей кровати, – Бини был настоящим экстравертом. Оно и понятно, ведь Кирсти первой появилась на свет, оказавшись более жизнерадостной из близнецов. Бини вечно прыгал вокруг нее, когда она приходила из школы, гонялся за ней по нашему холлу, и девочка вопила от счастья и притворного ужаса.

С Лидией – более тихой и задумчивой, которая любила часами сидеть со мной и читать, с той, которая в прошлом году упала и разбилась насмерть, – наш спаниель всегда проявлял вежливость. Он словно осознавал, что Лидия чуткая и ранимая. Он ее обнюхивал, ставил лапы ей на грудь, но действовал всегда дружелюбно и мягко.

Еще Сони Бини любил валяться на ковре в комнате Лидии и вбегал туда при любом удобном случае, хоть мы постоянно выгоняли его из детской. Когда он попадал в спальню Лидии, тотчас же ложился возле ее кровати и подремывал.

Именно так он лежит сейчас в комнате Кирсти.

Я посмотрела на свои руки – меня по-настоящему трясло. От ужаса по телу бегали противные мурашки.

Бини теперь общается с Кирсти совсем по-другому: так же, как раньше с Лидией.

Аккуратно, мягко, не прыгает. Осторожно обнюхивает.

Безответные вопросы захлестнули меня. Когда изменилось поведение собаки? Непосредственно после гибели Лидии? Или раньше?

Я старалась, но не могла вспомнить. Прошлый год был для меня затуманен горем, изменилось так много всего, что я просто не обращала на собаку внимания. Что случилось? Возможно, он так скорбит? А способны ли животные вообще скорбеть? Или это нечто другое, что-то гораздо худшее?

Я должна с этим разобраться, я не могу пустить все на самотек. Я покинула комнату Кирсти, освещенную ночником, и прошла пять ярдов до следующей двери – бывшей спальни Лидии.

После гибели Лидии мы не смогли забыть работу, хотя переделали комнату Лидии в подобие офисного пространства. Вдоль стен стояли стеллажи, забитые в основном моими книгами. Многие из них – как минимум половина полки – о близнецах.

Во время беременности я прочла о близнецах все, что только смогла найти. Я взаимодействую с миром при помощи чтения, поэтому я штудировала научно-популярные труды о раннем развитии близнецов, об индивидуации близнецов, проглатывая статьи, в которых мне разъясняли, почему каждый из близнецов всегда больше привязан к своей генетической двойняшке, чем к родителям или собственным детям.

И еще я где-то читала про близнецов и собак. Я в этом уверена.

Я нетерпеливо обшаривала полки. Здесь? Нет. Здесь? Ага.

Я взяла в руки томик под названием «Многоплодные роды. Практическое руководство» и поспешно открыла предметный указатель.

Собаки. Страница сто восемьдесят семь.

Ого, я даже помню главу практически наизусть.

«Часто бывает, что идентичных близнецов очень трудно отличить друг от друга чуть ли не до позднего подросткового возраста, и даже родители не могут их различить. Любопытно, однако, что собаки никогда не испытывают таких трудностей. Собачье обоняние развито настолько хорошо, что домашние питомцы, например, способны даже через несколько недель безошибочно

определить по запаху, кто есть кто из близнецов».

Книга перестала прыгать в моих дрожащих пальцах, я уставилась в полную темноту за незашторенным окном, пытаюсь свести информацию воедино.

За последний год Кирсти превратилась в тихую, робкую, замкнутую девочку. Она стала напоминать Лидию. До этого момента я приписывала все горю – за последний год у нас троих изменилось поведение.

Но что, если мы сделали чудовищную ошибку? Настолько ужасную, что и представить нельзя? Как нам теперь ее распутывать? Что делать? Что теперь с нами будет? Я знала лишь одно: я не имею права рассказывать об этом никому, включая собственного мужа. Он до сих пор не оправился от потери, а новая информация произведет эффект разорвавшейся бомбы. И незачем бомбу бросать мне – его жене, – пока я не буду полностью уверена, что все это правда.

Но мне нужны доказательства.

С пересохшим ртом, на грани паники я выбралась на лестничную площадку и уставилась на дверь. На слова, составленные из вырезанных букв на глянцевой журнальной бумаге.

«Здесь живет Кирсти».

3

Однажды я прочла исследование, в котором говорилось, что переезд – настолько же травмирующее событие, как развод или смерть родителей. Странно, но я не чувствовала ничего такого. Наоборот, впервые за две недели после встречи с Уокером и после того, как Кирсти сказала те страшные слова, я неистово радовалась, что мы переезжаем. Хотя, может, я просто переутомилась и находилась на грани сумасшествия.

Тем не менее мне нравилось чувство усталости в мышцах, когда я снимала коробки с высоких шкафов. Мне нравился привкус старой пыли во рту, когда я

протирали наши бесконечные полки, освобождала их от книг, а потом спускалась на кухню и пила воду.

Однако мои сомнения еще не улеглись. Я попыталась сопоставить историю воспитания и роста близнецов с деталями смерти Лидии. Возможно ли, что мы – родители – не поняли, кого же из девочек потеряли?

Я не знала. И поэтому оставила свои жалкие попытки. Всякий раз, когда я забирала Кирсти из школы, я звала ее «дорогая», «Муми-тролль» и как угодно еще, но не обращалась к дочери по имени. Я боялась, что она опять посмотрит на меня спокойными голубыми глазами и произнесет: «Я Лидия, а не Кирсти. Кирсти умерла. Одна из нас умерла. Мы умерли, а я жива. Меня зовут Лидия, я Лидия. Как ты можешь так ошибаться, ма? Как ты можешь? Как ты можешь?»

Поэтому я уходила с головой в работу, чтобы прекратить думать.

Сегодня я принялась за самое трудное. Энгус улетел утренним рейсом в Шотландию – устраиваться на новом месте, а Кирсти – Кирсти Джейн Керрера Муркрофт – была в школе. Я осталась дома одна и решила разобраться на чердаке, где мы хранили вещи Лидии. Лидии Мэй Танера Муркрофт.

На чердак вел деревянный люк на петлях. Я поставила под ним невообразимо легкую алюминиевую стремянку и застыла как вкопанная. Я снова погрузилась в раздумья.

Начни сначала, Сара Муркрофт, и дойди до конца.

Кирсти и Лидия.

Мы дали близняшкам разные, но взаимосвязанные имена, поскольку хотели подчеркнуть их индивидуальности и при этом подтвердить их уникальный статус близнецов: все, как советуют в книгах и на сайтах. Имя «Кирсти» выбрал Энгус в честь своей любимой бабушки. Это шотландское имя, милое и поэтичное.

Дабы соблюсти равенство, я занялась поиском имени для второй малышки. Остановилась на классическом, древнегреческом «Лидия». Я выбрала его частично из-за своей любви к истории и еще потому, что мне очень нравится, как

оно звучит. Кроме того, «Лидия» совсем не похоже на «Кирсти».

Также я дала девочкам вторые имена – Мэй и Джейн, в честь моих бабушек. Третьи имена выбирал Энгус – Керрера и Танера, в честь двух крошечных шотландских островков.

Спустя неделю после рождения девочек, задолго до нашего амбициозного переселения в Кэмден, мы перевезли двух наших прелестных новорожденных малышей на заднем сиденье машины домой. Шел мокрый снег. Мы тогда безумно радовались именам близняшек, не переставая, смеялись и целовались в каждой пробке.

И повторяли вновь и вновь...

«Кирсти Джейн Керрера Муркрофт».

«Лидия Мэй Танера Муркрофт».

Когда мы придумывали имена, мы хотели от них очень многого. Нужно, чтобы они были изящно переплетены друг с другом, идеально подходили нашим близняшкам и вдобавок были поэтичными и красивыми. В общем, чтобы они звучали мелодично, а не так грубо и прямолинейно, как Труляля и Траляля.

А что случилось потом?

Пора разгрести чердак.

Я взобралась на стремянку и сильно нажала на чердачную дверь. С жалобным скрипом та отворилась, неожиданно ударившись о стропила. Звук был настолько громким и бесцеремонным, что мне на миг стало страшно, словно наверху что-то спало, и я его ненароком разбудила.

Я достала из заднего кармана джинсов фонарик, включила его и полезла наверх.

Над моей головой навис черный квадрат. Абсолютная тьма и поглощающая пустота. Мне опять стало страшно, я попыталась унять нервную дрожь. Но тщетно. Я была в доме одна, если не считать Бини. Пес спал в плетеной корзине

на кухне. Я слышала, как где-то во тьме стучит по шиферной крыше ноябрьский дождь, будто кто-то в раздражении барабанит ногтями по столу.

Тук, тук, тук.

Во мне зашевелилась тревога. Я взобралась на очередную ступеньку стремянки, думая о Кирсти и Лидии.

Тук, тук, тук. Кирсти и Лидия.

Когда мы привезли близнецов из роддома, то поняли, что хотя и подобрали им имена правильно, но перед нами стоит новая дилемма: разница между девочками оказалась куда больше, чем разница между их именами.

Наши дочери были невероятно, просто шикарно похожими друг на дружку. Они были самыми одинаковыми среди одинаковых близнецов, были настолько великолепным воплощением «похожести», что нянечки из других палат приходили к нам, чтобы полюбоваться на наших чудесных двойняшек.

Некоторые однайцевые близнецы рождаются совершенно иными. У них разный оттенок кожи, разные родинки и голоса. Бывают еще и «зеркальные» пары, они похожи друг на друга, но при этом соотносятся, как человек и его отражение в зеркале, где «лево» вместо «право» и наоборот. К примеру, у одного близнеца волосок на голове вьется по часовой стрелке, у другого – тот же самый волосок, но против часовой.

А Кирсти и Лидия Муркрофт были действительно одинаковыми: у обеих такие же снежно-белые волосы, льдисто-голубые глаза, прелестные одинаковые носики-пуговицы и очаровательные улыбки – озорные и хитрые. Девочки и зевали одинаково, демонстрируя маленькие розовые ротки совершенной формы. Когда они смеялись, на их щечках возникали абсолютно одинаковые ямочки, даже веснушки и родинки у них были одними и теми же. Они являлись зеркальным отражением друг друга, но без несовпадения правого и левого.

Тук, тук, тук...

Медленно и как-то робко я поставила ногу на последнюю перекладину стремянки и вгляделась в полумрак чердака, освещая фонариком. Я продолжала думать и вспоминать. Луч фонарика выхватил из темноты коричневую металлическую раму близнецовой коляски «Макларен». В свое время она обошла нас в кругленькую сумму, но мы не поскупились. Нам хотелось, чтобы близняшки сидели бок о бок и вместе смотрели вперед, пока мы катаем их по дорожкам. Ведь они с самого рождения были одной командой, с самого зачатия. Они лепетали между собой на близнецовом языке и были всецело поглощены общением.

Во время беременности, когда мы ходили на УЗИ, я своими глазами видела на каждом снимке, как близняшки внутри меня придвигаются все ближе и ближе – от телесного контакта на двенадцатой неделе к «сложным объятиям» на четырнадцатой. На шестнадцатой неделе, как подчеркнул мой педиатр, мои близняшки время от времени целовались.

Шум дождя усилился и стал напоминать недовольное шипение. Поспеши. Мы ждем. Поспеши.

Я не нуждалась в понуканиях, я хотела довести дело до конца. Я энергично водила фонариком, пока луч не осветил сдутую надувную кровать в виде паровозика Томаса. Паровозик Томас со своей вечной слабоумной улыбкой косился на меня. Красно-желтый, дурацкий. Он, конечно, останется здесь. Его братишка из голубого брезента тоже лежит на чердаке. А его-то мы возьмем для Кирсти.

Дочка раз. Дочка два. Желтая и голубая.

На первых порах, чтобы различать наших малюток, мы покрасили им по одному ноготку на руке и ноге – в желтый и в голубой. Желтый предназначался Лидии, поскольку мы звали ее Лютиком, а голубой – для Кирсти – нашей Незабудки.

Окрашивание ногтей являлось компромиссом – медсестра в роддоме посоветовала нам сделать одной из девочек крошечную татуировку в каком-нибудь конкретном месте: на лопатке или наверху лодыжки – несмываемое пятнышко, чтобы точно не было ошибки. Но мы отказались – это был слишком радикальный, если не варварский метод. Как можно татуировать одну из наших прекрасных, невинных безупречных крошек? Нет, нет и нет!

Но мы должны были их как-то различать и поэтому прибегли к окрашиванию ногтей. В течение целого года мы еженедельно аккуратно и старательно обновляли лак. Позже мы научились различать девочек по их поведению и личным особенностям, и когда они стали отзываться на имена, мы начали одевать их по-разному. Кое-что из тех вещичек до сих пор лежит в мешках на пыльном чердаке.

Одежду мы подобрали того же оттенка, в который красили девочкам ногти: солнечный – для Лютика, лазурный – для Незабудки. Мы не соблюдали излишнюю скрупулезность, но сумели выработать особую родительскую тактику для наших девочек. На Кирсти всегда красовалось что-нибудь голубое: джемпер, носочки либо вязаная шапочка с помпоном, а все остальное могло быть другого цвета. У Лидии же была желтая футболка или шафранная лента в бледно-золотистых волосах.

Поспеши.

Я бы поспешила, но в этом было явно что-то неправильное. Как можно чем-то заниматься в таком месте, где повсюду стоят картонные коробки, помеченные буквой «Л»?

«Л» – значит Лидия. А картонки будто тарашатся на меня с осуждением, они под завязку набиты жизнью моей девочки.

Мне хотелось позвать ее: «Лидия! Вернись, Лидия Мэй Танера Муркрофт!» Мне хотелось выкрикивать ее имя, как тогда, когда она умерла, когда я смотрела вниз с балкона и видела ее неестественно выгнутое хрупкое тельце. Она все еще дышала, но ее было уже нельзя спасти.

И вдруг меня едва не вырвало от пыли. А может, от воспоминаний.

Лидия бежит в мои распахнутые объятия – это мы запускали змея в Хампстед Хит, и она испугалась гудения его крыльев на ветру. Лидия сидит у меня на коленях и усердно выводит свое имя пахучим восковым карандашом первый раз в жизни. Малышка Лидия в отцовском кресле – совсем как гномик, с лукавой улыбкой прячется за развернутым атласом почти с нее ростом. Лидия – тихая, задумчивая, любившая книги, немного отстраненная и чуточку потерянная – походила на меня. Однажды, когда Лидия сидела рядом с сестрой на лавочке в

парке, она произнесла: «Мам, садись между мной, почитай нам книжку».

Между мной? Даже теперь я ощущала в словах Лидии тревожную неясность, размыв идентичности. Но нашей любимой Лидии нет... Или я ошиблась, и она жива, хоть все ее вещи и рассованы по коробкам на чердаке? Если это так, то как нам распутать клубок, не разрушив семью?

Это просто невыносимо, сказала я себе.

Давай, Сара, работай. Разбирайся на чердаке. Делай то, что надо. Забей на тоску, освободись от ненужного хлама, езжай в Шотландию, на остров Торран, где огромное безбрежное небо, а твоя Кирсти – Кирсти, Кирсти, Кирсти – будет свободной и беззаботной. Мы сбежим от прошлого, улетим туда, как гаги, что проносятся над горами Куллинз.

Одна из коробок оказалась открытой.

Я уставилась на нее с ужасом и замешательством. Это была самая большая картонка, мы сложили в нее игрушки Лидии, и кто-то ее грубо вскрыл. Но кто? Энгус, наверное. Зачем он так поступил? Да еще проявил небрежность? И почему он мне не сказал? Ведь мы обсуждали все, что касалось вещей Лидии. А теперь он роется в игрушках Лидии и ничего мне не говорит!

Дождь зашумел с новой силой. Очень близко – в нескольких футах над головой.

Я нагнулась к открытой коробке и только открыла клапан, чтобы заглянуть внутрь, как услышала посторонний звук. Характерное металлическое дребезжание. Стремянка? На нее кто-то лезет?

Да.

Мне не померещилось. В доме кто-то есть. Как он или она вошли, и я не услышала? Кто лезет на чердак? А Бини на кухне даже не залаял.

Я вздрогнула. Может это и глупо, но я испугалась.

– Эй! Кто здесь?

- Ты в порядке, красотка?

- Энгус!

Он улыбнулся. Со второго этажа пробивался свет, и в колеблющихся тенях Энгус напомнил мне злодея из малобюджетных ужастиков – их тоже подсвечивали снизу для пущего эффекта.

- Господи, Энгус, как ты меня напугал!

- Прости, малыш.

- Я думала, ты на полпути в Шотландию.

Энгус встал напротив меня. Он долговязый – шесть футов три дюйма, и ему пришлось слегка нагнуться, чтобы не удариться о стропила своей красивой темноволосой головой.

- Паспорт забыл. А его теперь надо всегда предъявлять, даже на внутренних линиях.

Энгус посмотрел мне через плечо на вскрытую коробку с игрушками. В воздухе между нами висела пыль, подсвеченная моим фонариком. Мне захотелось направить луч прямо ему в лицо. Он хмурится, улыбается или сердится? Мне не разглядеть – он слишком высокий, и здесь слишком темно. Но он чувствует себя здесь неловко и натянуто ведет себя.

- Сара, что ты делаешь? – спросил он.

Я навела фонарь прямо на картонку, которую так грубо и небрежно вскрыли.

- А сам как считаешь? – Ясно.

Очертания фигуры моего мужа выглядели неясными и угрожающими. Зловещими. Злыми. Как будто он замышляет нечто нехорошее. Но почему?

– Я разбираю вещи, – выпалила я. – Гас, ты понимаешь, нам надо хоть что-то сделать... с ними... – Я уставилась на его лицо, скрытое в полумраке. Я почувствовала, что горе опять подкрадывается ко мне. – Нам нужно разобраться с одеждой и игрушками Лидии. Я знаю, что тебе не хочется, но нам необходимо что-то решать: брать нам ее вещи с собой или сделать с ними что-нибудь еще?

– Выкинуть?

– Может быть...

– Ага... Но я даже не знаю...

Молчание. И непрерывный шум дождя.

Мы застряли здесь – на темном чердаке кэмденского дома. Мы погрязли во всей этой рутине. Я хочу, чтобы наша жизнь продолжалась, но мне надо выяснить правду насчет коробки.

– Энгус?

– Слушай, мне пора. – Он повернулся и направился к люку. – Давай потом поговорим, я позвоню тебе по скайпу с Орнсея.

– Энгус!

– Я взял билеты на следующий рейс, но я могу опоздать, если не потороплюсь, иначе мне вообще придется целую ночь торчать в Инвернесе. – Он уже был внизу, и его голос звучал глухо.

Он уходил, как будто скрывался с места преступления – втихаря с виноватым видом.

– Стой!

Я чуть не упала со стремянки, спускаясь вслед за ним. Он уже спрыгнул с лестницы.

- Энгус, подожди!

Он обернулся, глядя на часы на запястье.

- Что?

- Слушай, - я не хотела задавать свой вопрос, но я была должна это сделать, - ты открыл коробку с игрушками Лидии?

Роковая пауза.

- Да, - произнес он.

- Энгус, но зачем? Ради всего святого, зачем?

- Потому что Кирсти надоело играть со своими игрушками.

Он пытался говорить ровным тоном, но у меня появилось ужасное чувство, что он лжет.

Мой муж обманывает меня.

Я растерялась. Но решила не отступать и кинуть ему ответную реплику.

- То есть ты, Энгус, залез на чердак и достал Кирсти игрушку Лидии? Я права?

Нас разделяли три ярда. Он застыл внизу на лестничной площадке и смотрел на меня, задрал голову и не мигая. Мы уже сняли картины со стен второго этажа, а там, где раньше стояла мебель - мой нелюбимый книжный шкаф и любимый комод Энгуса (наследство от бабушки), были большие светлые квадраты.

- Ну и что, Сара? Какие проблемы? Я что - вторгся на вражескую территорию? - мрачно начал оправдываться он.

Обычно он ведет себя подобным образом перед тем, как окончательно рассердиться. Я вспомнила, как он ударил своего бывшего начальника.

Отец Энгуса часто поколачивал свою жену.

Нет. Энгус – мой муж, и он никогда и пальцем меня не тронет. Но когда он заговорил, я поняла, что он действительно зол:

– Кирсти было плохо, она жаловалась, что очень скучает по Лидии. Тебя, Сара, дома не было – вы с Имоджин пили кофе... А я решил дать Кирсти что-нибудь из игрушек Лидии. Я решил, что тогда она немного успокоится. И ее тоска развеется. Вот и все. Неужто непонятно?

Его сарказм порой убийственен.

– Но...

– Ну а что я мог? Отказать ей? Сказать, чтобы помалкивала и дальше играла со своими львами и леопардами? Или велеть ей забыть, что у нее была сестра?

Он повернулся и сбежал вниз по ступеням. Когда он все мне объяснил, стыдно стало мне. Думаю, на его месте я поступила бы точно так же.

– Энгус.

– Ну? – нехотя произнес он.

– Извини. Прости, что устроила тебе допрос. Я была в шоке, правда.

– Тш-ш, – он посмотрел на меня в упор, на его лице появился намек на улыбку. – Забудь об этом, милая. На Орнсее увидимся. Вы поедете по суше, а я полечу по воздуху.

– И ты окажешься в Шотландии раньше меня?

– Ага!

Он невесело рассмеялся, попрощался и ушел к себе, чтобы взять паспорт.

Он не собирался опаздывать в аэропорт на свой рейс в Шотландию.

Я слышала, как он пересекает кухню, и перед моим внутренним взором сияла его белозубая улыбка.

Хлопнула входная дверь. Энгус ушел. Неожиданно я осознала, что физически скучаю по нему.

Я хотела его. До сих пор. Очень сильно, наверное, сильнее, чем когда-либо за прошедшие годы.

Мне захотелось, чтобы он вернулся домой и расстегнул свою рубашку, чтобы мы занялись сексом – мы не делали этого столько месяцев. Еще я хотела, чтобы он тоже возжелал меня и сорвал с меня одежду, как в наши первые годы, когда мы приходили с работы, без лишних слов раздевались в прихожей и занимались любовью, где попало: на кухонном столе, на полу в ванной, в саду под дождем, охваченные сладкой страстной горячкой.

Затем мы лежали и смеялись, а наши тела блестели от пота. От самых дверей до того места, где мы любили друг друга, тянулся след из разбросанной одежды: прямо след из хлебных крошек за Мальчиком-с-пальчик. Мы медленно шли обратно, подбирая сперва трусы, потом джинсы, мою футболку, его рубашку и жилетку, мой джемпер. И мы ели холодную пиццу. Светясь от радости, ликуя, не испытывая никакого чувства вины.

Мы были счастливы. Счастливее, чем любая известная мне парочка. Иногда я по-черному завидую нам тогдашним, словно я – злобный сосед прошлой себя. Типа «чертовы Муркрофты со своей замечательной жизнью, сказочными красавицами-близняшками и симпатичным псом».

Но при этом, даже пребывая в таком настроении, я отлично понимала, что мое представление отчасти иллюзорное и надуманное. Наша жизнь далеко не всегда была столь гармоничной. Долгой темной зимой, сразу после рождения близнецов, мы едва не развелись.

Кто был виноват? Может, я, а может, Энгус или секс как таковой. Конечно, я предполагала, что после появления детей наша личная жизнь ухудшится, но не насовсем же!.. Однако именно так и случилось. После того как я родила, Энгус

отказался от секса. Он не хотел прикасаться ко мне, а если и делал это, то так, будто мое тело было не предметом желания, а чем-то неведомым и странным, чем-то, требующим пристального изучения. Однажды, глядя в зеркало, я заметила, что он смотрит на меня, оценивая мою новую, материнскую, наготу – целлюлит и подтекающие соски. И по его лицу тогда пробежала гримаса.

Мы не занимались любовью почти год.

Когда близняшки начали спать по ночам и я более-менее оправилась, то пыталась его соблазнить. Но всякий раз я встречала отказ под маловнятными предложениями: слишком устал, пьян, завален работой. Он практически перестал бывать дома.

И я вырвалась из одиночества на несколько кратких вечеров, я находила секс везде. Энгус работал тогда у «Кимберли и компании», он с головой окунулся в новый проект и постоянно заявлялся домой поздно, чуть не в открытую игнорируя меня. Чувствуя себя покинутой, я нырнула в черную дыру раннего материнства и пропала в бездне. Я одурела от того, что была вынуждена одна справляться с двумя орущими младенцами. Когда мне позвонил бывший парень и поздравил с рождением детей, я немного возбудилась. Вспомнила старые времена и тотчас бешено вцепилась в это чувство. «А ты не хочешь заскочить ко мне в гости? Поболтаем, выпьем, хоть на меня посмотришь».

Энгус бы сам, по своей воле, никогда бы не догадался, но я закончила легкую интрижку сама: взяла и просто выложила ему все – так сильно мучила меня совесть. Хотя в конечном счете я решила наказать мужа. Видишь, как мне было больно. По иронии судьбы именно мое горькое и трудное признание спасло нас и возобновило нашу половую жизнь.

Тогда-то Энгус и начал воспринимать меня по-другому. Я была в его глазах уже не вечно усталой, занудной и молчаливой мамашкой, донельзя его раздражающей, – о нет, теперь я снова превратилась в желанный объект. Я стала сексуальной женщиной, за которую стоит побороться. И Энгус вернул меня, отвоевал и крепко в меня вцепился. Трахнув меня, он простил меня. А потом была супружеская терапия, и в нашем не очень веселом цирке все вернулось на круги своя. Ведь мы действительно любили друг друга.

Но я всегда буду задумываться о том, что сделанного мной не исправить. Мы спрятали этот скелет в шкафу и скрывали его долгие годы. Мы оба – мастаки, когда надо что-нибудь прятать.

Наконец я очнулась от грез. Я находилась на чердаке, разглядывая коробки, в которых было заключено все движимое имущество нашей умершей дочери. В итоге ко мне пришло решение: вещи поедут на склад. Там им и место.

Конечно, это малодушие, полумера, но если я потащу за собой в Шотландию что-то, связанное с Лидией, я сломаюсь. Такого мне не вынести. Да и зачем мне себя терзать? Чтобы потакать странному поведению Кирсти, которое вроде бы проходит? Но и предать их забвению – жестоко и невозможно.

Когда-нибудь я их выкину, но не сейчас.

Поэтому они отправятся на склад.

Я приободрилась и с воодушевлением взялась за работу. Три часа я паковала, заклеивала коробки скотчем, перекладывала и опять паковала, спустилась вниз, наскоро поела супу со вчерашним хлебом и взяла мобильник. Результаты трудов меня обрадовали, оставалось сделать еще одно дело, разрешить маленькое сомнение, и со всеми глупостями будет покончено.

– Мисс Эмерсон?

– Слушаю вас.

– Эээ... здравствуйте, это Сара Муркрофт.

– Простите, Сара, не узнала сразу. И зовите меня, пожалуйста, Нуала!

– Да... – пробормотала я и запнулась.

Мисс Эмерсон – учительница Кирсти: красивая, увлеченная, аккуратная. Ей двадцать с чем-то лет, и весь последний ужасный год она являлась для меня источником успокоения. Ученики – и Кирсти тоже – звали ее «мисс Эмерсон», и мне казалось, что обращаться к ней по имени невежливо, по крайней мере, мне.

Но мне нужно попробовать:

- Нуала...

- Да-да?

Судя по голосу, она спешит. Сейчас пять часов, Кирсти на продленке, но у учительницы всегда много работы.

- Эээ... вы можете уделить мне минутку? Я хочу кое-что спросить о Кирсти.

- Нет проблем, хоть целых пять минуток. Что вы хотели узнать?

- Мы скоро переезжаем.

- На Гебриды? Я в курсе. Нашли себе другую школу?

- Да, нашли, она называется Килердэйл. Я читала бюллетени УСО - она двуязычная, преподавание ведется по-английски и по-гэльски. Естественно, со «Святым Лукой» не сравнить, но...

- Сара, вы, кажется, хотели задать вопрос?

В ее голосе не слышно нетерпения, но тон деловитый. Может, она параллельно еще чем-то занята.

- Извините. Разумеется, хотела.

Я уставилась в полуоткрытое окно гостиной.

Дождь прекратился, напелзал ветреный осенний вечер. С деревьев на противоположной стороне улицы ворохом осыпались листья. Я сжала телефон в кулаке и произнесла:

- Нуала, - я напряглась, будто собиралась нырнуть в ледяную воду. - Вы не замечали в последнее время никаких странностей в поведении Кирсти?

Краткая пауза.

- Странностей?

- Ну да, странностей.

Жалкая попытка, но что я еще могу сказать? Ой, здрасте, мисс Эмерсон, а Кирсти в школе говорит, что она – не Кирсти, а Лидия – ее умершая сестра?

- Нет, ничего подобного я не заметила, – у мисс Эмерсон добрый голос. Специально, чтобы общаться со скорбящими родителями. – Конечно, Кирсти тоскует по сестре, но я могу точно утверждать, что, несмотря на обстоятельства, она у вас хорошо справляется. Не волнуйтесь.

- Спасибо, – произнесла я. – Можно еще вопрос?

- Не стесняйтесь.

Я вновь собрала волю в кулак. Я хотела узнать, как Кирсти читает. С некоторых пор у нее это стало получаться гораздо лучше, что меня, если честно, тоже напрягало.

- Нуала, а как у Кирсти с учебой? В последнее время не было каких-то особых изменений в ее развитии, в ее способностях?

Снова молчание. Долгое.

- Ну... – Нуала нарушила паузу.

- Что?

- Ничего страшного, но думаю, вам стоит обратить на это внимание.

Деревьягнулись и дрожали на ветру.

– Что случилось?

– Кирсти действительно стала очень бегло читать, причем за короткий период времени. Она совершила удивительный скачок. И еще – ей всегда хорошо давалась математика, а сейчас... уже не так хорошо, – я представила себе, как Нуала на другом конце линии неловко пожала плечами. – Полагаю, для вас это является сюрпризом.

Я решила озвучить опасения учительницы.

– У ее сестры чтение всегда шло хорошо, а математика не очень.

– Возможно, вы правы, – согласилась со мной Нуала.

– А еще что? Есть еще какие-нибудь... странности?

Последовала очередная тягостная пауза.

– Пожалуй, да, – произнесла Нуала спустя минуту. – Последние пять недель Кирсти стала больше общаться с Рори и Адели.

В воздухе кружились опавшие листья.

– Рори, – повторила я. – И Адели.

– Да, именно с ними, – чуть помедлив, продолжала Нуала. – Вы, вероятно, знаете, что именно с ними дружила Лидия. А со своими прежними друзьями Кирсти почти не разговаривает.

– С Золой и Тео?

– Да. Все произошло внезапно, но Кирсти всего семь, а в этом возрасте такие вещи часто случаются.

У меня пересохло в горле.

- Да, - выдавила я. - Я понимаю.

- Ради бога, не тревожьтесь. Я бы даже и не заметила, если бы вы не спросили о развитии Кирсти.

- Но...

- Сара, я, как педагог, считаю, что Кирсти старается как-то компенсировать отсутствие сестры, пытается чуть ли не сама стать Лидией, чтобы заменить ее и унять горе. Например, она стала лучше читать, дабы заполнить утрату. Я не детский психолог, но, похоже, в поведении Кирсти нет ничего необычного.

- А...

- Дети переносят потерю по-своему, и возможно, это просто часть восстановительного процесса. Кстати, когда вы уезжаете? Скоро?

- Да, - ответила я. - В ближайшие выходные.

Мобильник, зажатый в руке, показался мне чудовищно тяжелым.

Я посмотрела на элегантные домики, на припаркованные машины, блестящие в свете уличных фонарей. Уже совсем стемнело, но небо было чистым, и в нем мигали огоньки множества самолетов, кружащих над Лондоном, - они сияли, будто искорки над огромным невидимым костром.

4

Энгус Муркрофт припарковал возле отеля «Селки» взятую напрокат в аэропорту Инвернесса дешевую машину, выбрался наружу и посмотрел в ту сторону, где за грязевой отмелью и морем виднелся Торран. В солнечном небе не маячило ни единого облачка - настоящая редкость для пасмурной ноябрьской погоды. Воздух был чист, но Энгус едва различал дом, стоящий на покрытых водорослями скалах у подножия белого маяка.

Прикрывшись ладонью от солнца, Энгус бегло взглянул на новое жилище для своей семьи, но его раздумья прервал скрип тормозов подъехавшего автомобиля.

Из старого синего «Рено» вылез его друг Джош Фридленд, одетый в толстый аранский свитер и джинсы, слегка присыпанные гранитной крошкой. А может, сланцевой. Или, вообще, мраморной. Энгус махнул ему рукой и мельком взглянул на свои собственные джинсы. Да... он наверняка будет скучать по дорогим костюмам и шелковым галстукам.

– А вот и наш белый колонист! – поприветствовал его Джош.

Мужчины обнялись, похлопав друг друга по спине. Энгус извинился, что припозднился из-за того, что не успел на самолет, но Джош велел ему выкинуть всякие глупости из головы.

Энгус мысленно отметил иронию ситуации – раньше постоянно опаздывал именно Джош. Прежде Джош был самым ненадежным человеком во всей Великобритании. Но с тех пор многое изменилось.

Мужчины повернулись к берегу пролива.

– Прикинь, Джош, – пробормотал Энгус. – Я и забыл, как здесь красиво.

– Ну, а когда ты был тут в последний раз?

– Когда летом приезжал. С тобой и с ребятами.

– Серьезно? – изумился Джош и расплылся в искренней улыбке. – Наркоман за бортом! Наркоман за бортом!

Он произнес кодовую фразу из того знаменитого лета, когда они, студенты колледжа, поехали на остров бабушки Энгуса. Они провели просто эпический уикенд – пьянствовали, орали, жутко надоели местным своим поведением – и шикарно повеселились. А однажды роскошной шотландской летней ночью, когда не бывает темноты и небо залито фиолетовым светом, они чуть не потопили весельную лодку, совершив титанический заплыв с острова Скай. А потом вдруг

появились тюлени, которые пристально наблюдали за их дурной компанией. Вот тогда-то и появился «наркоман за бортом» – Джош, закинувшийся «экстази», попытался обнять тюленя и рухнул в холодную воду. Времени было около одиннадцати вечера.

Все могло закончиться трагически, но им тогда исполнилось по двадцать с небольшим, и, похоже, они были бессмертны. Полностью одетый Джош доплыл до острова, и в обветшалом домике смотрителя маяка они опять напились в хлам.

– Сколько лет-то прошло? Пятнадцать? Господи Иисусе! – разглагольствовал Джош, засунув руки в карманы и поеживаясь от ветра, который ерошил волосы на его рыжей еврейской голове. – Но и оторвались мы тогда знатно, да? Сколько сидра тогда выпили на Коруиске... С кем-нибудь из парней еще видишься?

– Не особо...

«И сам знаешь, почему», – мог добавить Энгус, но промолчал.

Джош, конечно, знал, почему.

Весь прошедший год после смерти Лидии Энгус главным образом общался с Джошем, а не с прочими друзьями – они подолгу беседовали по телефону и засиживались в пабах, когда Джош навещался в Лондон. Встречи у них получались больше похожими на сеансы у психотерапевта: говорил в основном Энгус, а Джош честно и искренне слушал, как Энгус рассказывал о Лидии. Он не замолкал часами, пока слова не начинали перемешиваться с пьяной слюной, и его не подкашивал вызванный виски хмельной сон.

Джош был единственным человеком, который видел, как Энгус рыдает, оплакивая умершую дочь: это случилось в тот роковой вечер, когда ночной цветок страдания открылся и распустился. Тогда Энгус нарушил свое табу, и, возможно, все было даже к лучшему. Мужчины сидели друг против друга: Джош слушал, а Энгус рыдал взахлеб.

Ну а теперь?

Джош копался в телефоне, и Энгус принялся разглядывать Торран. Оказалось, что идти до острова через грязевые поля надо гораздо дольше, чем он помнил. Значит, сперва им нужно спуститься в приливную полосу, обогнуть крупный приливный остров Салмадейр, а затем по дамбе попасть на меньший островок Торран. Путь занимал, по меньшей мере, минут тридцать-сорок.

И это тоже было очень важно, поскольку утлая лодка, которую они прежде использовали, давным-давно сгнила. Других средств для переправы у них не имелось. Получалось, что ему, Саре и Кирсти придется всякий раз брести через сырую и скользкую отмель, чтобы добраться до дома, да и то только при низком приливе.

- Ты не знаешь, тут кто-нибудь продает моторку недорогого?

Джош оторвался от мобильного.

- Парень, ты хочешь сказать, что у тебя нет лодки?

- Ага.

- Шутишь? Гас, ну ты даешь! Как вы сможете жить на Торране без лодки?

- Никак. Но мы должны выкручиваться, пока я не достану лодку. Все упирается в деньги.

- Могу тебя на своей подбросить хоть сейчас.

- Нет, я хочу пойти через грязевые поля - попробовать.

Джош наклонил голову, скептически ухмыльнувшись.

- Ты хоть забыл, насколько это опасно?

- Нет.

– Гас, послушай меня. Ночью, после гражданских сумерек,[1 - Гражданские сумерки – наиболее светлая часть сумерек. Считается, что в это время на открытой местности можно выполнять любые работы без искусственного освещения. Если гражданские сумерки продолжаются в течение всей ночи (и плавно переходят в утренние), то такая ночь называется белой. (Здесь и далее прим. пер.)] лучше по трясине не ходить даже с фонарем. Подвернешь лодыжку на камнях или увязнешь в грязи – и конец тебе.

– Джош...

– На Скае твоих криков никто не услышит – половина летних домов на побережье пустует! Зимой вода студеная, и ты сразу погибнешь.

– Джош, хватит! Торран, между прочим, мой остров. Я там практически все детство провел.

– Но ты ведь почти всегда жил здесь летом, да? А на Гебридах с декабря по февраль световой день пять часов длится, если не меньше. Подумай хорошенько, парень. Зимой на Торране может быть тяжело, даже если лодку купишь – все равно можно там застрять на неделю.

– Ладно тебе. Зимы здесь не сахар. Я знаю, что будет нелегко. Но мне без разницы.

Джош хмыкнул.

– Понял тебя. Делай, как знаешь.

– Ты мне по телефону говорил о приливах, – продолжал Энгус. – Во сколько он нынче вечером начнется?

Джош взглянул на отступающее море, затем уставился на Энгуса.

– Я же тебе кинул ссылку по электронке – официальная таблица приливов Маллейга, там все подробно.

– Я еще почту не проверял – с самого утра путешествую.

Джош кивнул. Он задумчиво смотрел то на грязевую отмель, то на подсыхающие на слабом солнце водоросли:

– Ладно... Сейчас отлив... максимума он достигнет в четыре. В твоём распоряжении час до и час после. В общем, нам еще тридцать минут нужно где-нибудь болтаться, часиков до трех.

Между приятелями опять повисло молчание. Энгус сообразил, что сейчас будет. Мягким тоном его друг задал вопрос:

– Как Кирсти?

Вот именно – как Энгус и предчувствовал. «Как Кирсти?» или «Как дела у Кирсти?»

И что ответить?

Энгусу хотелось рассказать другу правду. Что примерно полгода назад Кирсти начала вести себя очень странно, и с его единственной оставшейся в живых дочерью произошло нечто непонятное. Личность Кирсти пугающе изменилась. И на этой почве Энгус чуть было не пошел к врачу, но в самый последний момент нашел верное средство. Весьма специфическое.

Но он не мог никому в этом признаться, даже Джошу. Ведь Джош наверняка разрезвонит все Молли, своей жене, а Молли с Сарой – закадычные подружки. А Сару не следует посвящать в новые проблемы... в принципе, ей вообще не стоит знать о кардинальных переменах, случившихся в их семье.

Энгус ей просто-напросто не доверял в подобных вопросах.

Энгус не доверял ей уже много месяцев – во многих вопросах.

Похоже, придется врать.

– С Кирсти нормально. Для данной ситуации.

– Ага. А Сара? Она как – в порядке? Не хочу быть навязчивым...

Очередной неизбежный допрос.

– Разумеется, у нее все хорошо. У нас все отлично. Сара безумно хочет переехать, – заявил Энгус, стараясь говорить небрежным тоном. – Кирсти мечтает русалку увидеть или тюленя. Думаю, что со всяким зверьем ей повезет.

– Ха!

– Джош, ты говоришь, нам полчаса нужно где-то болтаться? Может кофе попьем?

– Давай. Заодно вспомнишь старую забегаловку, ее уже не узнать, – сказал Джош, толкнув заскрипевшую дверь паба.

И Джош не ошибся – едва они переступили порог «Селки», Энгус удивленно завертел головой по сторонам.

Грязная уютная пивнушка, где собирались рыбаки-селедочники, преобразилась. Вместо попсы в колонках играл турбо-фолк – бойраны[2 - Бойран – ирландский бубен, применяемый, как правило, для ритмического сопровождения традиционной ирландской музыки, а также изредка – для сольной игры.] и скрипочки, а ветхий ковер на полу сменился дорожкой серой плиткой.

В противоположном конце помещения висела доска, на которой было мелом написано: «мясо лобстеров». Молодая круглолицая девчонка орудовала за барной стойкой, где были раскиданы рекламные программки местных театров и брошюры о том, как наблюдать за орланами. Барменша угрюмо теребила колечко в носу – она явно обиделась на то, что Джош заказал лишь два кофе.

Энгус был впечатлен, но не шокирован: подумаешь, обычные дела, просто появился еще один новомодный отель с гастробагом, рассчитанный на богатых туристов, которые прилетали в Хайленд и на Гебриды в поисках свежих впечатлений.

А пропахшей кислятиной пивнушки, которую Энгус помнил двадцать лет назад, конечно, и в помине не было.

Хотя сейчас туристы отсутствовали – какие приезжие будут мерзнуть на острове в середине ноября? Холодно, да и не сезон. Единственными клиентами были местные.

– Да, оба с молоком. Спасибо, Дженни.

Энгус посмотрел в угол. За круглым деревянным столом сидели пятеро разномастных мужиков, зато в почти одинаковых свитерах без ворота. Кроме них, в баре больше никого не было. Мужики покосились на Энгуса поверх своих пинтовых кружек с пивом и замолчали.

Затем они повернулись друг к другу с заговорщицким видом и возобновили беседу на очень странном языке.

Чтобы не таращиться на них, Энгус спросил Джоша:

– Гэльский?

– Он самый. На Слейте ты его повсюду услышишь. Здесь рядом недавно гэльский колледж построили. И в школах его учат, само собой, – Джош усмехнулся. – Но я готов поспорить, что, пока мы сюда не пришли, они болтали по-английски. Они так шутят – прикалываются над новенькими.

Джош поднял руку и помахал одному из мужчин – небритому крепышу приятной внешности лет под сорок на вид.

– Как жизнь, Гордон?

Гордон ответил с мрачной улыбкой.

– Здорово, Джошуа. Здорово. Ciamar a tha thu fhein?[З - Как сам? (гэльский).]

– Прекрасно. Но в мою тетку ударила молния! – воскликнул Джош с добродушным видом. – Гордон, ты ведь не забыл, что я никогда не учил

гэльский?

– Ничего, Джош, может, еще как-нибудь попробуешь – и выучишь.

– Хорошо, я тебе обещаю. Позже пересечемся!

Барменша с пирсингом принесла кофе. Энгус посмотрел на две маленькие чашки, которые казались еще меньше в руках Джоша – грубых красных лапищах каменщика.

Энгус жаждал скотча. Само собой разумеется, что в Шотландии ты должен пить шотландский виски – но ему было неловко глотать спиртное после полудня, да еще в обществе непьющего Джоша.

Вот ведь парадокс! Если говорить начистоту, то Джош Фриденд не всегда слыл трезвенником. В юности он изрядно напивался. Когда другие ребята из университета – в том числе и Энгус – экспериментировали с чем попало, Джош совершал смертельные виражи. Синтетические таблетки на вечеринках привели его к серьезной героиновой зависимости, и дальше – в темноту и ужас. Несколько лет казалось, что Джош пошел в разнос полностью и его нельзя вытащить, хотя они пытались, особенно Энгус.

Но внезапно в возрасте тридцати лет Джош спас себя сам. С помощью «Анонимных наркоманов».

Джош ударился в трезвость с тем же пылом, с каким раньше кололся. Он не пропускал ни одной ежедневной встречи за шестьдесят дней, одолел программу «двенадцати шагов» и верил себя высшим силам. Потом он познакомился с симпатичной богатой молодой женщиной по имени Молли Маргеттсон, естественно, на встрече «АН» в Ноттинг-Хилле. Она сидела на кокаине, но избавилась от зависимости, как и Джош.

Джош и Молли сразу понравились друг другу и вскоре поженились. Церемония была малолюдной и трогательной, а затем они уехали из Лондона на север. Они продали квартиру в Холланд-парке и купили симпатичный домик в самом сердце тех мест, которые всегда любили: на Слейте, прямо возле воды, в полумиле от «Селки», неподалеку от острова бабушки Энгуса.

Пролив Слейт прекрасен – от него у Энгуса всегда дух захватывает.

Джош работал каменщиком, а Молли замечательно совмещала домоводство и бизнес: торговала фруктами, вареньем, медом и чатни[4 - Чатни – традиционные индийские соусы.] – на жизнь хватало. Иногда она рисовала картины.

Энгус задумчиво смотрел на дальнюю стенку. Годами он жалел Джоша, а теперь, как оказалось, завидует ему. Да, он искренне радовался за них с Молли, но и завидовал первозданной чистоте их жизни: только воздух, камни, небо, стекло, соль, скалы и море. А еще гебридский вересковый мед. Значит, и Энгуса тоже потянуло к истокам. Смыть бы с себя городскую пыль и все сложности и погрузиться в чистоту. Морской воздух, настоящий хлеб, сильный ветер, дующий в лицо.

Друзья прошли к столику подальше от Гордона и его гэльскогоговорящей компании. Джош сел, отхлебнул кофе и с хитрой улыбкой сказал:

– Это Гордон Фрейзер, наш мастер и умелец. Занимается всякой всячиной от Кайлерхеа до Ардвасара – тостерами, моторками, оставшимися в одиночестве замужними бабами. Если тебе надо лодку, он может помочь.

– Ага. Я его припоминаю вроде бы, – Энгус пожал плечами.

Значит, Гордон Фрейзер... А что он, Энгус, вообще способен воскресить в своей памяти из тех лет? По правде говоря, ему до сих пор немного стыдно оттого, что он ошибся с расстоянием от острова Торран до суши.

Наверное, он стареет.

И главное – память его уже подвела, не подведет теперь и судьба? Он сам-то верит в мирную жизнь с Сарой на острове? А им будет очень трудно, если учесть, что Сара лазит на чердаке по коробкам с фонариком в руках.

А если она ему врет? Опять?

Он хотел подумать о чем-нибудь другом.

- Джош, а насколько все изменилось на Торране? Совсем плохо?

- Ты про дом? - уточнил Джош. - Парень, приготовься к худшему. Я, конечно, за хибарой смотрел - я тебе говорил по телефону, и Гордон тоже, он к твоей бабушке хорошо относился, и рыбаки там останавливались, но все-таки домишко не в лучшем виде, это факт.

- А смотрители маяка?

Джош покачал головой:

- Они приезжают раз в две недели и совсем ненадолго: линзу почистят, батарею проверят, и работа закончена, можно бухать в «Селки».

- Ясно.

- Мы старались, но ты же понимаешь, жизнь такая штука, что бывает и своих дел полно. Да и Молли не любит, когда берут ее лодку. Твоя бабушка последний раз приезжала четыре года назад, и с тех пор в доме никого толком не бывало.

- Четыре года - долгий срок.

- Именно, парень. Четыре длинных гебридских зимы - сырость, плесень, ураганы, и все это имеет последствия, - вздохнул Джош, но опять повеселел. - Хотя у вас прошлым летом были незаконные жильцы.

- У нас?

- Ага. Но они оказались вполне нормальными. Два парня и две милые девчонки. Детишки, студенты. Они как-то вечером завалились в «Селки», крутые, как яйца, и Гордон с ребятами рассказали им разных сказочек, дескать, что на Торране водятся привидения. Студентам стало интересно, и они утром уехали на Торран. Но они бед не натворили, только сожгли почти все дрова, которые оставались после твоей бабушки. Лондонцы, что с них взять.

Энгус оценил юмор ситуации. Он вспомнил, как они с университетскими ребятами приехали из Лондона и вели себя точно так же: сидели в пабе,

слушали страшилки местных жителей про Скай и угощали их выпивкой. Все эти байки были придуманы темными зимними вечерами, чтобы убить время. Бабушка рассказывала ему точно такие же истории про Скай: про Вдову из Портри, про ужас, что бродит во тьме, и самую страшную – про Груагах: волосы у нее белы как снег, и она оплакивает свое отражение...

– А ты чего не появлялся?

– Что?

– Тебя здесь целых пятнадцать лет не было, – продолжал Джош. – Почему?

Энгус нахмурился и вздохнул. Вопрос хороший, он бы и сам себе такой задал. Он лихорадочно начал искать ответ.

– Не знаю. Хотя нет. Может, для меня Торран стал чем-то вроде символа, домом, куда я когда-нибудь вернусь. Потерянным раем. Слово до него – пять миллионов миль. Я действительно хотел здесь побывать, когда вы с Молли сюда переехали, но... – опять зловещая пауза. – Но у нас родились девочки, близнецы, и все изменилось. В корне. У нас – двое орущих младенцев. Грудных. А здесь суровый климат. Есть причины испугаться, Джош. Да ты и сам поймешь, когда у вас с Молли будут дети.

– Если у нас будут дети, – Джош покачал головой и уткнулся носом в чашку с пятнами от выпитого кофе с молоком. – Если.

Межу ними повисла напряженная тишина, сдобренная горечью. Один мужчина грустил об умершем ребенке, а другой – о детях, которых у него нет.

Энгус допил остывший кофе, повернулся на неудобной деревянной скамье и посмотрел в окно, забранное толстым ветроустойчивым стеклом – такие вставляют в иллюминаторы самолетов.

Стекло искажало прекрасный вид на Торран и делало его отвратительным. Пейзаж был косым, размазанным и неправильным. Энгус вспомнил слабоосвещенное лицо Сары в полумраке чердака. Когда она лазила по коробкам.

С этим пора кончать.

– Отлив в самом разгаре, – встрепенулся Джош. – Дружище, у тебя два часа. Ты уверен, что доберешься? Может, мне проводить тебя или на лодке довезти?

– Нет. Сам дошлапаю.

Мужчины покинули паб. На улице стало промозгло, и вместе с отливом усилился ветер. Энгус махнул Джошу на прощание, мол, завтра к вам зайду, и машина Джоша тронулась, разбрызгивая грязь.

Энгус открыл багажник и достал рюкзак. Сегодня утром, в дешевой гостинице в Инвернесе, он аккуратно сложил туда все, что понадобится ему в первую ночь на острове. Остальное он купит завтра, а сейчас ему нужно поспеть на остров до темноты.

Через грязевую отмель.

Энгусу вдруг сделалось неловко, будто кто-то с усмешкой наблюдал, как он подтягивает лямки рюкзака, распределяя вес. Он рефлекторно обернулся в поисках прилипших к окнам лиц или детей, которые смеются и тыкают на него пальцем, но на него таращились только голые деревья и притихшие дома. Людей было не видеть. Пора отправляться в дорогу.

Тропинка начиналась прямо от «Селки» – от парковки и вниз по обомшелым и выветренным каменным ступеням. Энгус зашагал вперед. После лестницы тропа огибала ряд деревянных лодок, вытащенных высоко на берег подальше от надвигающихся зимних штормов. Затем она спускалась еще ниже – в раскинувшийся на много акров лабиринт из покрытых водорослями камней и вонючей грязи, да там и пропадала. Энгус прикинул, что весь путь займет около получаса.

Неожиданно у него зазвонил мобильник.

Энгус удивился, что здесь есть сигнал, у него мелькнула тень надежды, что телефон поймает сеть и на Торране. Он поставил рюкзак на гальку и достал мобильник из кармана джинсов.

«Сара», – гласила надпись на экране.

Уже четвертый звонок за сегодняшний день.

– Привет.

– Ты там?

– Еще нет. Только иду туда. Я сейчас на Орнсее. Видел Джоша только что.

– Ну и как там?

– Солнце мое, я не знаю! – воскликнул он. – Я ж тебе сказал: я еще не доковылял до Торрана! Давай я сперва доберусь до острова и сразу же тебе перезвоню!

– Да, извини, – она рассмеялась фальшивым смехом. Энгус мог определить это, даже не видя ее, на расстоянии в шестьсот миль.

– Сара, вы в порядке?

Пауза. Она колеблется.

– Да, Гас. Правда, я чуточку нервничаю. Ну, из-за этого...

Она снова замолчала. Энгус нахмурился. Плохи дела! Ему надо как-то отвлечь жену, заставить ее думать о будущем. Очень осторожно он заговорил:

– Сара, на острове красиво. Как я и помнил. Даже еще лучше. И мы не ошиблись, когда решили переехать. Мы все сделали правильно.

– Ага. Ой, извини, я тебя заболтала. Я с этими вещами возилась...

Энгус готов был поспорить, что Сара явно чем-то встревожена. И значит, он должен задать ей самый жуткий вопрос, на который он не хотел знать ответа. Но в итоге он был вынужден спросить:

– А как Кирсти?

– Кирсти хорошо, она...

– Она что?

– Да так... ничего.

– Чего?

– Ничего.

– Нет, Сара, я чувю, ты что-то скрываешь! Что у вас стряслось? – он подавил ярость.

Его тихоня-жена любила в разговоре подбросить какую-нибудь животрепещущую тему, а потом сказать «ничего», и ему каждый раз приходилось вытягивать из нее информацию, чувствуя себя еще и виноватым.

Каждый раз, даже если он и не нуждался в этой информации. Вот как сейчас.

В последние дни ее тактика сводила его с ума, заставляла злиться и нервничать.

– Сара, что у вас случилось? Сара!

– Ну... она... – и опять дико раздражающее молчание.

Энгусу очень хотелось заорать «Да что за херня у вас творится?», но он стиснул зубы.

Наконец Сара выдала:

– Она прошлой ночью опять видела кошмар.

Как бы то ни было, но Энгус успокоился. Всего лишь дурной сон? И стоило огород городить?

- Кошмар?

- Да.

- Тот же самый?

- Да, - произнесла Сара, и на том конце линии снова повисла продолжительная пауза из тех, которые столь свойственны его жене. - Про комнату, когда она в белой комнате и не может пошевелиться, а на нее сверху смотрят какие-то лица. Она слишком часто видит кошмары, причем одинаковые. Почему, Энгус?

- Сара, я не знаю, но уверен, что это скоро пройдет. Помнишь, что нам сказали в центре Анны Фрейд? Потому мы и решили переехать: новая жизнь, новое место и новые сны. Никаких старых воспоминаний.

- Да, конечно. До завтра?

- До завтра. Люблю тебя.

- Люблю тебя.

Услышав, как она повторила его слова, Энгус нахмурился и нажал «Отбой». Он сунул телефон в карман и поднял тяжелый рюкзак, чувствуя себя альпинистом перед восхождением. Тяжелая бутылка с вином в рюкзаке звякнула обо что-то твердое, похоже, что об его швейцарский армейский ножик.

Он старался держаться камней и песка - так безопаснее. Повсюду витал резкий запах гниющих водорослей, над головой орала и мяукала чайки, будто горячо обвиняли его в том, чего он не делал.

Вода ушла, оставив лежать в грязи посеревшие металлические цепи, к которым крепились пластиковые буйки. Справа на Энгуса безразлично глазели белые дома, раскинувшиеся на поросшем лесом извилистом берегу огромного острова Скай, а слева скалистым куполом возвышался Салмадейр, покрытый высокой травой и истыканный ельником. За елками Энгус разглядел крышу особняка, принадлежащего шведскому миллиардеру.

Джош рассказывал Энгусу о Карлссене: тот приезжал сюда на месяц – порыбачить, поохотиться, полюбоваться видами заливов Лох-Хурн и Лох-Невис, омывающими полуостров Нойдарт с его заснеженными горами.

Согнувшись под тяжестью рюкзака, Энгус устало брел дальше. Вдруг он поднял голову и обвел взглядом горный хребет. Великие вершины Нойдарта, последний кусочек дикой природы в Западной Европе. Глядя на загадочные вершины, Энгус понял, что до сих пор помнит, как они называются. Бабушка столько раз показывала ему Сгурр-ан-Фуаран, Сгурр Мор и Фрух Бэнь.

Звучало прямо как стихи. Энгус не очень любил стихи, но все на этих островах было пропитано поэзией.

Сгурр-ан-Фуаран, Сгурр Мор, Фрух Бэнь.

Он потащился вперед.

Вокруг царила непривычная тишина, прямо какое-то царство спокойствия. Никто не рыбачил с лодок, берег оказался пустым, даже машин не было слышно.

Энгус взмок и едва не поскользнулся. Он не переставал удивляться здешней погоде. Воздух был кристально чистым, и Энгус различал в синей дымке на горизонте паром, идущий из Армадейла в Маллейг.

Во многих домах, построенных среди елок и рябин, окна были закрыты зимними ставнями. Вот в чем причина тишины – безлюдье. В этом отношении великолепный уединенный полуостров Слейт на юге Ская чем-то напоминал шикарные лондонские квартиры – богатые жильцы пользовались ими лишь по несколько дней в году. Недвижимость являлась выгодным вложением инвестиций, обычным способом хранения денег. На других островах архипелага не столь красиво, но забавно, что именно там жизнь бьет ключом – и дома стоят гораздо дешевле.

Красота этих мест была их проклятием.

Но все равно здесь было красиво. И уже начинало темнеть.

Путь занял пятьдесят тяжелых минут: ботинки постоянно вязли в серой грязи, а один раз он вообще свернул не туда – стал держать направление на Салмадейр и увидел в сгущающемся сумраке два ряда ржавой колючей проволоки, а за ними – стеклянную стену гостиной в особняке миллиардера.

Вместо того чтобы обогнуть Салмадейр по пляжу, он зачем-то взял слишком влево.

Энгус вспомнил, что Джош говорил ему про ночь на грязевых отмелях. Запросто можно погибнуть. Люди погибают.

И как часто? Раз в год? Раз в десять лет? Перейти улицу в Лондоне куда страшнее, чем гулять на Торране. И преступности тут нет, и экология хорошая. Детям на острове будет лучше. Кирсти здесь будет лучше.

Медленно преодолевая знакомый путь, Энгус продрался сквозь кусты утесника и взобрался на скользкие камни, сплошь покрытые ракушками морских уток. Он где-то до крови ободрал руку, устал и исцарапался. Северный ветер пах пометом чаек, фукусом[5 - Фукус – род бурых водорослей.] и ароматом свежесрубленных сосен, которые везли из Скорейга и Ассинта.

Он почти дошел. В свете заходящего солнца он видел приливную дамбу, сложенную из серых валунов и камней помельче, усеянную раздавленными крабьими панцирями. Пересекая дамбу, змеилась тонкая зеленая труба, то уходя в песок, то появляясь наружу. Энгус понял, что это водопровод, и моментально вспомнил эту часть пути. Сколько раз он ходил мимо этой трубы – сперва мальчишкой, затем студентом. И теперь он опять сюда вернулся.

Косые солнечные лучи освещали маяк и домик у его подножья. Через каких-то две минуты Энгус откроет дверь и переступит порог нового жилища. Здесь обоснуется его семья, они все постараются начать новую жизнь.

Он задумчиво достал мобильник. Сигнала нет. Разумеется. А чего он ждал? Торран – одинокий и изолированный остров, самое отдаленное место, какое только есть в Британии.

Энгус поднялся к домику смотрителя маяка, обернулся и окинул взглядом грязевые поля.

Да. Труднодоступное местечко. И хорошо. Энгус был рад, что уговорил жену принять решение о переезде. Здорово, а ведь он убедил ее в том, что решение принадлежит в основном ей. Он полгода хотел, чтобы они сбежали из Лондона, и наконец добился своего. На Торране они окажутся в безопасности. Никто не будет задавать вопросы: ни настырные соседи, ни друзья и родственники, ни полиция.

5

Кирсти.

Посмотрев вверх, я увидела в зеркале бесстрастное, без тени улыбки лицо Кирсти.

– Мы почти добрались, дорогая!

Я говорила это все время с тех пор, как мы выехали из Глазго. Если честно, мне самой действительно казалось, что мы «почти приехали». На картах Гугла все выглядит так близко и, ведь мы уже пересекли половину Шотландии, разве нет? А может, и больше – по карте дюйма на два.

Однако дорога все бежала и бежала вперед, словно в бесконечной страшной сказке, рассказываемой несусветным занудой. Мы затерялись на зловещих просторах Раннох-Мура.

Мне пришлось напомнить себе, почему мы здесь.

Пару дней назад Энгус предложил добавить нам денег на самолет до Инвернесса, где бы он нас встретил, а вещами занялись бы специально нанятые рабочие.

Но я заупрямилась. Я почему-то подумала, что это будет явным жульничеством. Какая-то часть меня стремилась сесть за руль и вместе с Кирсти и Бини проехать весь путь. Кроме того, если бы мы полетели, потом все равно кому-то пришлось

бы рано или поздно ехать на машине. В итоге я настояла на том, что мы с Кирсти отправимся в путь, образно говоря, из правого нижнего угла карты и достигнем самого верха. А затем мы встретимся с Энгусом – в Орнсее, возле отеля «Селки», на автопарковке со знаменитой панорамой на соседний Торран.

Теперь я пожалела о принятом решении.

Все здесь слишком просторное и чересчур унылое! Раннох-Мур – смесь зелени и мрачной серости. Равнины предположительно ледникового происхождения. По кислым торфяникам текут коричневые речки – местами казалось, что вместо воды в речке течет торфяная пыль.

Я посмотрела в зеркальце на Кирсти, затем на себя.

Мне очень не хочется вспоминать, но придется – и я опять пройду все до конца. Мне нужно понять, что творится с Кирсти и является ли ее перемена непосредственным результатом той трагедии, которая сломала нашу жизнь.

Начнем.

Это случилось летним вечером в Инстоу.

Мои родители переехали в маленький приморский городок на севере Девона почти десять лет назад, когда вышли на пенсию. К тому моменту карьера отца накрылась медным тазом, но родители накопили денег, их как раз и хватило, чтобы купить дом – даже побольше, чем у них был раньше, – в чудесном местечке, где широкая ленивая река образует дельту и встречается с морем.

Дом был высокий, трехэтажный, с балконами, с которых открывался прекрасный вид. На участке был разбит сад, он заканчивался на склоне, поросшем травой, где водилось несметное число кроликов. С верхнего этажа я любовалась морем в обрамлении зеленых мысов, а сидя в летнем туалете – таращилась на лодки с красными парусами, идущие в сторону Бристольского канала.

Выбор родителей я одобрила: приятное жилище, симпатичный городок. В пабы частенько наведывались моряки и яхтсмены, державшиеся по-свойски, без всякого зазнайства. Климат оказался мягким благодаря преобладанию юго-

западного ветра, а с пристани можно было ловить крабов – всего-то и надо леску да ломать ветчины.

Сразу же и безоговорочно Инстоу стал нашим домом на время отпусков. Относительно дешевым и безмятежным пристанищем для нас с Энгусом. Мы знали, что можем взять с собой девочек и они будут под присмотром бабушки с бабушкой, которые души в них не чают.

И они действительно обожали внучек – девочки были такими красивыми, такими замечательными – когда не орали, конечно. Вдобавок мой младший братишка-шалопай мотался по белу свету и не собирался обзаводиться семьей, так что мои близняшки были их единственной отрадой.

Мой отец всегда с нетерпением ждал нашего приезда, а Эми – моя мать-американка, более тихая, робкая и скрытная, чем он (я, кстати, похожа на нее), – тоже проявляла не свойственный ей энтузиазм.

В общем, когда отец позвонил мне и беззаботно поинтересовался, что мы намерены делать летом, я тотчас согласилась поехать в очередной раз в Инстоу. Это был седьмой или восьмой раз, мы не считали. К тому же нам нравилось то, что девочки будут под присмотром, причем абсолютно бесплатно. Мы сможем позволить себе роскошный долгий сон – сон взрослого человека в отпуске, пока близнецы будут гулять с бабушкой и дедом.

В самую первую ночь нашего последнего отпуска это и случилось.

Я с детьми приехала в Инстоу с утра. Энгус задерживался в Лондоне и обещал прибыть позже, мать с отцом отправились в паб.

Я спустилась на кухню.

Да, я находилась на просторной кухне в доме моих родителей, поскольку именно оттуда открывался один из лучших видов, а еще там был замечательный стол. Я читала книгу и прихлебывала чай, вечер был просто бесподобным, небо над заливом окрасилось в голубовато-розовый цвет. Близняшки, успевшие загореть на пляже, играли, как я предполагала, в саду.

Все было абсолютно СПОКОЙНО.

А потом я услышала крик одной из моих дочерей.

Он навсегда застрял в моей памяти. Он никогда меня не оставит.

Никогда.

Здесь и сейчас, посреди Раннох-Мура, я вцепилась в руль и нажала на педаль газа. Как будто я могла обогнать ужасы прошлого, и они прямо сейчас пропадут из зеркала заднего вида.

Но что же было дальше? Вдруг я тогда что-то просмотрела, упустила? Может, я вспомню и смогу решить чудовищную головоломку.

Сперва я, сидя на кухне, ничего не поняла. Девочки должны были наслаждаться теплом уходящего летнего дня на лужайке, но оглушительный крик раздался откуда-то сверху. Не помня себя от ужаса, я ринулась вверх по лестнице и принялась лихорадочно искать близняшек – здесь нет, здесь нет, нигде нет! – но затем интуитивно что-то почувствовала и кинулась в пустующую спальню. Там тоже имелся балкон, расположенный на высоте двадцати футов.

Распроклятые балконы! Если я что и ненавидела в Инстоу, так это балконы. Они были везде. Энгус их тоже терпеть не мог.

Мы никогда не разрешали близняшкам подходить к ним близко – железные перила оказались слишком низкими – и для взрослых, и для детей. Но они манили наших девочек, ведь оттуда было так здорово смотреть на реку! Моя мама тоже любила там посиживать, глотая шведские триллеры и запивая их «Шардоне» из супермаркета.

И когда я бежала по лестнице, моя первая мысль была о балконах, которые я люто ненавидела. Первое, что я увидела в спальне, был силуэт одной из моих дочерей, она стояла на балконе в белом платье и кричала.

По иронии судьбы она прекрасно выглядела в те мгновения. Лучи закатного солнца освещали ее волосы, и казалось, что на ней божественная корона,

сияющий нимб, как у Младенца Иисуса на викторианских книжных иллюстрациях.

Моя маленькая красавица захлебывалась леденящим душу криком.

– Мам, мам! Иди быстрее! Лютик упала, Лютик упала! Мама, спаси ее, МАМАМАМАМАМА!

На какой-то миг я застыла и молча смотрела на нее.

Наконец, очнувшись, выглянула за перила.

Да, там была моя вторая дочь – упавшая на мостовую. У нее изо рта натекла красная блестящая лужа крови – как «речевой пузырь» в комиксах. Ее ручки и ножки были неестественно выгнуты в форме свастики, она напоминала схематичное изображение упавшего человека, некий символ.

Я сразу поняла, что Лидию нельзя спасти – как только увидела ее неестественную позу, но я бросилась вниз, обняла ее еще теплые плечики, попыталась нащупать слабеющий пульс. И тут как раз вернулись из паба мои мать с отцом, они поднимались по дорожке, и их взору предстала эта непередаваемая сцена. Они застыли, пораженно глядя на нас, моя мать что-то завопила, а отец начал названивать в «Скорую», и мы разругались – двигать Лидию с места или нет, и моя мать снова кричала.

Мы в слезах отправились в больницу и разговаривали в холле с двумя нелепо молодыми врачами – парнем и девушкой в белых халатах с выражением усталости и стыда на лицах. Они бормотали свои молитвы.

Критическая субдуральная гематома, обильные звездчатые разрывы, ярко выраженное ретинальное кровоизлияние...

Внезапно Лидия очнулась и привела нас всех в смятение. Тогда в больницу уже примчался побелевший Энгус. Мы сидели в палате – я, Энгус, мой папа, врачи и медсестры, и вдруг моя дочь вяло зашевелилась. Ее затуманенные глазки широко открылись. У нее во рту торчали какие-то медицинские трубки, она посмотрела на нас – печально и меланхолично, будто прощаясь, и потеряла

сознание. Больше она в себя не пришла.

Ненавижу те воспоминания. Я помню, как женщина-врач, не скрываясь, подавила зевок во время разговора с нами – после того, как Лидию объявили умершей. Вероятно, у нее была долгая смена. Вторым врачом заявил, что нам «не повезло».

Как бы омерзительно ни прозвучали его слова, с технической точки зрения он был прав. Я поняла это спустя много недель, когда ко мне вернулась способность забивать буквы в поисковик. Большинство маленьких детей выживают при падении с высоты до тридцати футов, даже до сорока. А Лидии не повезло. Нам не повезло. Ее падение оказалось крайне неудачным. От моих же изысканий мне стало только хуже, чувство вины сделалось невыносимым. Лидия умерла потому, что нам не повезло, и потому, что я не присматривала за ней должным образом.

Мне захотелось зажмуриться, отгородиться от мира, но нельзя – я за рулем. Поэтому я гнала машину дальше. Задавая вопрос миру, своей дырявой памяти и реальности, которая меня окружала.

Которая из девочек упала? Возможно ли, что я обозналась?

Первая и самая значительная причина, почему я решила, что это была именно Лидия, лежала на поверхности. Так мне сказала выжившая близняшка.

Мам, мам, иди быстрее! Лютик упала!

И естественно, я ей поверила, ведь по-другому различить девочек я вообще не могла. Дело в том, что в тот день мы одели их в совершенно одинаковые белые платьица. Ни желтого, ни голубого.

Идея принадлежала не мне – близняшки сами на всем настояли. Еще за несколько месяцев до нашего отпуска они просили, даже требовали, чтобы мы одинаково их одевали, делали им одинаковые прически, в общем, хотели выглядеть одинаково. Мама, садись между мной, почитай мне. Может, они действительно стремились полностью раствориться друг в друге, и им надоело быть отдельными личностями? Конечно, иногда по утрам близняшки сообщали нам, что видели один и тот же сон – как раз перед нашим отпуском, но я не

знала, стоит ли им верить.

Я до сих пор ничего не понимаю. Возможно ли такое, в принципе? Чтобы близнецы видели одинаковые сны?

Или же нет?

Я нажала на педаль и свернула за угол, подгоняя себя, словно на побережье я смогу найти ответ на вопрос. Но если уж говорить начистоту, то ответ запрятан у меня в голове.

Мы с Энгусом подчинились спонтанному желанию девочек, поскольку думали, что это лишь один из этапов их развития, как ребяческие приступы гнева или появление молочных зубов. Помимо прочего, уже тогда мы могли различить их по характерам. В спорах друг с дружкой близняшки вели себя по-разному.

Но когда я взлетела вверх по лестнице и увидела одну из моих дочерей – в белом платье, босую и потерявшую голову от страха, мне было не до личностных характеристик. Кричала одна из девочек – вот и все. Лютик упала! Поэтому я и догадалась, кто передо мной. Кирсти.

Или я обозналась?

Не знаю. Я словно заблудилась в зеркальном зале, где каждая стена – душа ребенка. Гнетущее молчание давило на меня.

Мам, мам, иди быстрее! Лютик упала!

Моя жизнь тогда треснула пополам. Я потеряла свою дочь. И все сделалось черным.

Как и сейчас. Я содрогалась от горя. Воспоминания настолько сильны, что режут без ножа. Я вот-вот заплачу, мои руки на руле дрожат.

Хватит. Надо остановиться. Мне нужно выйти из машины и глотнуть воздуха. Где я, вообще, нахожусь? Где мы? На окраине Форт-Уильяма?

Боже мой. Надо ОСТАНОВИТЬСЯ.

Резко дернув руль, я свернула, погнала автомобиль прямо к заправке «БиПи» и, разбрасывая колесами гравий, чуть не врезалась в бензоколонку.

Машина постепенно остывала. Молчание было невыносимым.

– Мам?

Я подняла глаза к зеркальцу заднего вида. Кирсти внимательно наблюдала, как я смахиваю слезы тыльной стороной кисти. Я не могла оторваться от созерцания Кирсти и неожиданно подумала, что она точно так же смотрит на свое собственное отражение, если на пути попадаете зеркало. И на свою мертвую сестру она, наверное, тоже так смотрела...

Кирсти улыбалась мне.

Но почему? Молча, почти не моргая, она глазееет на меня в упор и улыбается? Неужели пытается вывести меня из себя?..

Внезапно во мне колыхнулся страх. Абсурдный, нелепый, но несомненный.

Мне нужно выйти. Прямо сейчас.

– Мама выпьет кофе, хорошо? Мне просто... хочется кофе. Тебе что-нибудь купить?

Кирсти ничего не ответила. Сжатыми в кулачки руками она крепко прижимала к себе Лепу. И улыбалась своей холодной и пустой улыбкой с видом всезнайки. Так порой вела себя Лидия – более спокойная, задумчивая и эксцентричная из близняшек. Моя любимица.

Я ринулась в магазинчик на заправке – прочь от своего единственного ребенка и от своих сомнений.

– Бензина не надо, спасибо. Только кофе.

Слишком горячий, невозможно пить. На негнущихся ногах я вышла наружу, в сырой, пахнущий морем воздух, стараясь контролировать себя. Прекрати истерику, возьми себя в руки, Сара, угомонись.

Со стаканом горячего «американо» я залезла обратно в машину и сделала несколько глубоких вдохов, что, по мнению медиков, должно замедлить сердцебиение. Только потом я посмотрела в зеркальце. Кирсти сидела на месте. Она перестала улыбаться и отвернулась. Почесывала Бини за ухом и смотрела на частные домики, тянувшиеся вдоль дороги неровной цепочкой как позади, так и впереди. На фоне величественных и необъятных просторов Хайленда они выглядели по-дурацки – чересчур английские и чрезмерно ухоженные со своими окошками и высокими крылечками.

Ехать. Скорей.

Я повернула ключ зажигания и рванула со стоянки. Нам предстояла долгая дорога – в Форт-Огастус и дальше – к озерам Лох-Лохи, Лох-Гарри и Лох-Клуани. Мы так долго едем и уже так далеко забрались. Я думала о нашей жизни до несчастного случая, о нашем счастье, которое столь легко разбилось на куски. Наша жизнь сделана из тонкого льда.

– А сейчас-то мы уже почти приехали?

Моя дочь отвлекла меня от дум. Я поглядела в зеркальце.

Кирсти уставилась в окно на вершины гор, затянутые густым туманом и возобновившимся дождем. Я обнадеживающе улыбнулась и сказала: «Да». Я везу свою дочь, и Бини, и наши надежды по узкой однополосной дороге, пересекающей бесконечные пустоши.

Но мы на самом деле почти добрались. И сейчас расстояние между мной теперешней и мной тогдашней – моей старой жизнью, моей умершей дочерью, ее прахом, развеянным над пляжем в Инстоу, казалось правильным и нужным. Как бы там ни было, я хочу жить. Двухдневное путешествие из Кэмдена в Шотландию с ночевкой в Скоттиш-Бордерс оказалось грандиозным и сильно подчеркнуло наше стремление поменять жизнь. Расстояние слишком велико, чтобы возвращаться.

Чем-то мы напоминали американских пионеров девятнадцатого века, переселенцев, направляющихся на повозках в Орегон. Я крепче вцепилась в руль. Мы должны освободиться от нашего прошлого, мы сбежим от него. Я постаралась не думать о том, кто находился на заднем сиденье автомобиля.

Но все же который из двух геральдических танцующих единорогов остался в живых и превратился в призрак самого себя?

Это должна быть Кирсти. Конечно, Кирсти.

– Кирсти, гляди!

Мы приближались к Скаю. Тронутый ржавчиной семейный «Форд Фокус» загромычал по исхлестанному дождем популярному среди туристов портовому городку Кайл-оф-Лохалш. Мы свернули на центральную улицу и поехали в сторону автомобильного моста. Дождь стих.

Под высоким мостом катились серые пенящиеся волны залива Лох-Алш, и меня начало подташнивать, затем мы съехали на развязку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/s-k-tremeyn/holodnye-bliznecy/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Гражданские сумерки – наиболее светлая часть сумерек. Считается, что в это время на открытой местности можно выполнять любые работы без искусственного освещения. Если гражданские сумерки продолжаются в течение всей ночи (и плавно переходят в утренние), то такая ночь называется белой. (Здесь и далее прим. пер.)

2

Бойран – ирландский бубен, применяемый, как правило, для ритмического сопровождения традиционной ирландской музыки, а также изредка – для сольной игры.

3

Как сам? (гэльский).

4

Чатни – традиционные индийские соусы.

Фукус – род бурых водорослей.

Купить: <https://tellnovel.com/s-tremeyn/holodnye-bliznecy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)